

ЕКАТЕРИНА
БУНЬКОВА

БУДНИ
ФЕЛЬДЪЕГЕРЯ

Екатерина Бунькова

**Будни фельдъегеря. В
эльфийской резервации**

«Литнет»

2020

Бунькова Е.

Будни фельдгегеря. В эльфийской резервации / Е. Бунькова —
«Литнет», 2020

Провинциальная девушка Аня Зеленолист приехала покорять Москву и уже почти покорила, но очередная пандемия спутала ей все карты. Денег нет, работы нет, жить дорого. Что делать? Пришлось вернуться несолоно хлебавши в родное село в надежде, что хотя бы неожиданное наследство от дяди поправит дело. Вот только вместе со старым домом ей досталось и копытное хозяйство, и дядюшкина работа, и припрятанные в лесах тайны. Неповторимый колорит уральской деревни, влюбленный эльф и угрюмый богатырь в качестве домработницы - в комплекте.

© Бунькова Е., 2020

© Литнет, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Наследство	7
Глава 2. Новая хозяйка старого дома	18
Глава 3. Микола и Андросий Кузьмич	26
Глава 4. Хулиганская растительность	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Пролог

Спать возле неасфальтированной дороги – не самое приятное занятие. Машины то и дело будят дребезжанием разбитых бамперов, тарахтят двигатели грузовиков, им вторят запыленные псины. Из-под колёс вылетают камушки и неприятно щелкают по голым лодыжкам.

К тому же все кругом покрыто удушливой пылью, которая неумолимо устилает толстым слоем лицо, одежду, волосы, зубы и носоглотку. В общем, так себе отдых. Уснуть в таких условиях, присев на грязную лавку и привалившись к заборчику, можно только после нескольких часов изнурительной работы.

Впрочем, работа, что заставила кудрявую рыжеволосую девушку прикорнуть в таком странном месте, была не тяжелой, а скорее смешной и глупой: девушка пыталась попасть домой. Да-да, просто зайти внутрь. Не имея ключа, в чем, собственно, вся проблема и заключалась.

Дом стоял прямо тут – большой, надежный, ухоженный, чем выгодно отличался от других – просевших и почерневших, построенных еще, похоже, в позапрошлом веке.

Сначала девушка пыталась пролезть в открытую форточку. Потом – подковырнуть старую раму с разошедшей створкой. Пробраться огородом, снять с петель дверцу, которая, как ей показалось, ведет в подпол. Ничего не получалось. Она даже почти допрыгнула до края крыши, чтобы рискнуть и пролезть через трубу, но свалилась в крапиву и лишь пришла к выводу, что воры-форточники – это мастера высокого класса, до которых ей еще расти и расти.

Бредовая была ситуация. И породила ее обычная житейская непродуманность: за целую неделю, которую девушка потратила на оформление бумаг, подтверждающих ее право проживания в этом месте, она просто не удосужилась поинтересоваться, у кого же, черт побери, ключ?!

В общем долгие и бесполезные попытки попасть к себе домой привели к тому, что она, окончательно сдавшись, задремала под лучами теплого солнышка подле самой дороги, ловя на себе косые взгляды всех немногочисленных соседей, которым приспичило пройти мимо именно в этот послеполуденный час.

Ее худые бледные ноги в красных цыпках от крапивных поцелуев вытянулись до самой тропинки. Одна туфля некрасиво сползла, другая и вовсе висела только на пальцах. Юбка чуть задралась, и любопытный муравей уже топтался на ободранной коленке, пытаясь понять, съедобны ли клубнички на видневшихся с его точки обзора трусиках.

Вдруг совсем рядом раздался шум, отличный от шума дороги. Девушка вздрогнула. В полудреме слегка приоткрыв глаза, увидела на тропинке прямо перед собой пыльно-серого щенка: смешного, беспородного и отчаянно перебирающего лапами.

Щенок бежал, выставив розовый язык. Ушки-тряпочки болтались от каждого неумелого прыжка, толстый хвостик морковкой торчал вверх.

Следом за щенком, поднимая пыль, мчался высокий и худой парень. Два раздолбанных кроссовка, кое-как удерживавшиеся на тощих ногах, часто врезались в пересохшую землю.

В голове девушки мигом вспыхнул ворох воспоминаний детства. Прятки, шалаши, рыбалка, землянки, вкус дички и запах свежего хлеба. Старый город, старые забавы. Она тоже когда-то бегала по улицам за соседской псиной, щелкая по голым пяткам сандалетками. Теперь пришел черед нового поколения радоваться вольному времени.

Девушка хотела было улыбнуться, но умильной картина была лишь пару секунд. В следующее же мгновение парень поймал щенка, сунул пищавшего в мешок и пошел в сторону реки, воровато оглядываясь по сторонам.

«Он же идет его топить!» – мелькнула в голове мысль, растерянная и беспомощная.

Она жила в этом городке-деревне. Она знала, что в деревнях делают с "лишними" щенками и котятами.

Девушка сорвалась с места прежде, чем сообразила, что делает. Чемоданы были забыты, сумочка полетела в крапиву. Мысль ударила в сердечную мышцу адреналином и проревела: «Убью!»

Парень обернулся, вздрогнул, заметив ее перекошенное яростью лицо, и то ли от испуга, то ли от неожиданности рванулся прочь. Но не тут-то было.

Не примененного к делу раздражения, что копилось в девушке всю эту неделю общения с государственно-нотариальной бюрократией и идиотами-соотечественниками, хватило, чтобы раскочегарить ее тело в мгновение ока. Парень же был скорее растерян, а не напуган, чтобы взять по-настоящему хороший разбег. Так что возмездие настигло его уже у ближайшей колонки.

Аня не собиралась его калечить, просто остановить, но незнакомца настиг злой рок. В попытке убежать от преследовательницы он выбрал не тот маршрут и наступил на мокрую глиняную проплешину возле колонки – следствие бесконечных ремонтов. Поскользнулся и на полной скорости влетел лицом в колонку.

Раздался хруст. Парень взвыл, схватился за нос и принялся оседать на влажную от подтекающей воды и потому густо поросшую травой землю.

Ну, здравствуй, родная Косяковка. Здравствуй, безмозглая и беспощадная деревня.

Глава 1. Наследство

За неделю до этих событий ничто не предвещало столь резкой смены образа жизни и переезда в самую глушь. Рыжеволосая почти красавица Аня со смешной фамилией Зеленолист жила себе обычной городской жизнью. Пила кофе по утрам, в свободное время зависала в соцсетях и строила большие планы на будущее.

У нее была работа, какая-никакая личная жизнь в виде двух подруг – адептов борьбы за экологию и разделение мусора – и симпатичного тренера в фитнес-зале, уже месяц не решавшегося пригласить ее на свидание. И все так и тянулось бы, не грянь гром среди ясного неба.

В середине марта под влиянием жутких вестей из-за рубежа страна закрылась на очередной сезон самоизоляции – как бы карантин, но как бы на усмотрение граждан. Народ привычно начал возмущаться, мол, малый бизнес притесняют. Поперли как на дрожжах теории заговоров, антипрививочники активизировались. Отовсюду полезла реклама чудодейственных средств от любых вирусов, предложения супердоходной работы на удаленке и призывы оставаться дома. Собачники ехидно ухмылялись сквозь маски, отмеряя свои сто метров, кошачники оскорбленно принялись желать им заразиться.

В общем, страна настроилась побухтеть, но все же послушно заперлась в своих квартирах с туалетной бумагой, гречкой и водкой. Аня тоже приготовилась посидеть в отпуске (хоть бы и неоплачиваемом), но ее шеф рассудил иначе.

В отделе кадров, где она числилась табельщицей, кроме нее было еще три работницы: одна пенсионерка и две дамы Аниного возраста – то есть, примерно лет тридцати. Две последние были, как говорится, «семейные» – с детьми, хоть и без мужей, так что успешно утопали домой с сохранением зарплаты в первые же дни самоизоляции. Пенсионерка, соответственно – тем же маршрутом.

А вот Аню оставили отдуваться за всех. И ладно бы по профилю, так нет же: по причине отсутствия большей части работников к ее обязанностям добавили функции секретаря в главном офисе и уборщицы там же. Проще говоря, одна за всех, но за те же деньги.

Возмущению Ани не было предела. Мало того, что работы стало в пять раз больше, так еще и премию зажали. Но даже не это коробило ее сильнее всего, а чудовищная несправедливость в выборе «козы отпущения», которой ей и пришлось стать.

Пенсионерка – начальница отдела – отличалась редкостным здоровьем и ОРВИ не болела лет двадцать, кулаком могла стену прошибить, а чрезмерной активностью – вынести мозги, а то и труп из вверенного ей помещения, так что отнести ее к группе риска мог только полный идиот. Две другие же коллеги хоть и настояли на сидении дома с «маленькими детьми», на самом деле были матерями двух семиклассников, которым мамы дома требовались, как сфетофор на лесной тропинке.

Ане же никак нельзя было нарушать режим самоизоляции. Нет, она не относилась к той категории лиц, которые по всякой ерунде начинают сеять панику и закрываться в бункерах. Но весь февраль девушка провела в больнице с двусторонней пневмонией и до сих пор толком не восстановилась, так что подхватывать какую-либо заразу, тем более такую серьезную, ей было никак нельзя.

Оттого-то задолго до объявления самоизоляции, едва заслышав о назревающем в Европе вирусном кризисе, девушка начала носить защитные маски, перестала ездить на общественном транспорте и старалась заглядывать в магазины только тогда, когда там гарантированно не было очередей. А тут – на тебе! – такая подлянка: кошелек или жизнь.

Разумеется, жизнь показалась Ане дороже не ахти какой денежной должности в компании с нестабильным доходом. Узнав, что ей предлагается пару месяцев носиться туда-сюда по

городу с кипой документов, собирая заразу, она тут же позвонила шефу и потребовала отпуск без содержания.

Шеф ей отказал.

Тогда она пригрозила уволиться.

Шеф тут же напомнил девушке, что в Москве она приезжая, съём квартиры стоит дорого, а в условиях карантина найти новую работу и тут же выйти в отпуск девушке уж точно не удастся.

Аня же напомнила, что не все приезжие – провинциальные дурочки, а от пары месяцев простоя финансовый крах с большой долей вероятности случится в его любимой компании, но уж точно не у нее самой – человека с экономическим образованием, самостоятельно прошедшего путь от прозябания в захолустном уральском городке до вполне успешного существования в столице.

Шеф ответил, что деревня – везде деревня, и нечего корчить из себя принцессу.

Аня назвала его хамом и предредила скорую гибель компании.

В общем, разругались, и уже на следующий день девушка подала заявление на увольнение, забрала сменную обувь и демонстративно плюнула на грязный пол, который ей предлагали мыть забесплатно.

Пришла домой, открыла файл со своим годовым бюджетом и печально в него уставилась. Из графы «отдых» можно было смело вычеркивать и поездку на море, и питерские мюзиклы, и даже платные телеканалы. Да что там отдых: сокращение расходов ожидалось даже на одежду и еду.

Хоть Аня и хвалилась своим экономическим образованием, факт оставался фактом: она была приезжей в столице, и положение ее было крайне неустойчивым. Без регулярной зарплаты финансовая «подушка безопасности» – по-русски говоря, заначка – обещала сдуться за два, максимум три месяца, а ведь неизвестно было, насколько затянется пандемия на этот раз.

Серьезно все обдумав, Аня стала скрести по сусекам: проверять, нельзя ли что-нибудь продать или где-нибудь безвозмездно занять. Но продать можно было разве что норковую шубу, которая в мае была никому не нужна, а занять могли только микрофинансовые организации, связываться с которыми, как известно, себе дороже.

В разгар ее печальных раздумий позвонила хозяйка квартиры и заявила, что повышает оплату: ее тоже уволили, и предприимчивая женщина решила залатать финансовую дыру за счет квартиросъемщицы.

Аня снова попыталась поспорить, но безуспешно: хозяйка прекрасно знала, что в родном городе у девушки не осталось ни кола, ни двора, и не собиралась сдаваться. С поправкой на подорожавшую жилплощадь бюджет стал выглядеть еще печальнее, и обещал познакомить Аню с займами уже в конце июня. Возвращаться на прежнюю работу было стыдно, мотаться по столице в поисках новой, рискуя подцепить заразу – страшно.

Вот в эту-то грустную пору и прилетела к девушке неожиданная весть: у Ани умер единственный дядюшка. Покойный старик, оказывается, не забыл о племяннице и завещал ей свой дом в родной Косяковке, а вместе с ним кусочек земли на шесть соток и гору стариковского барахла.

В первый момент сердце девушки радостно екнуло и затарахтело в груди победный ритм. Но затем совесть одернула его и устыдила: «Хороший человек умер, а ты тут радуешься. Он про нас думал, дом свой завещал, а мы ему даже не позвонили ни разу за все те годы, что прожили в столице. Нехорошо».

Всю ночь промаявшись угрызениями совести, пересмотрев семейный альбом в поисках дядюшкиных фотографий, словив ностальгию и уревевшись до опухших глаз, к утру Аня твердо решила: это судьба.

Хватит. Покормили чужой город своими молодостью, силой и налоговыми отчислениями. Пора домой, в провинцию, где все друг друга знают, а сто рублей – это деньги, а не завалящая бумажка для нищих. Пара лет на свежем воздухе да при спокойном ритме жизни прекрасно поправят ее здоровье. А столица все равно никуда не денется.

Бюджет тут же был пересмотрен с учетом новых условий. Конечно, приличная сумма должна была уйти на транспортировку вещей плюс билет на самолет, но все равно оставалось примерно две московских зарплаты. А две московских зарплаты – это полгода, а то и год безбедной жизни в Косяковке: за квартиру-то платить не придется, разве только за электричество и воду. Если, конечно, там есть вода.

Решение было принято, вещи собраны, и, не дожидаясь июня, за который пришлось бы платить жадной хозяйке, Аня сбежала из стремительно заболевающей столицы в глухое уральское захолустье.

Пару дней спустя

– Чего стоим, кого ждем? – спросил незнакомый мужик, опустив стекло и поигрывая размокшей от слюны сигаретой. – Может, подвезти, а, красавица?

Девушка окинула брезгливым взглядом ржавый транспорт – невозможный для столицы, но обычный для раздолбанной, частично грунтовой дороги «Алапаевск – Нижний Тагил», по которой ей предстояло прокатиться.

Мужик ее не напугал: на дворе был солнечный день, кругом – куча свидетелей да еще и какая-никакая камера слежения возле билетной кассы. Удивляться, откуда он узнал, что им по пути, тоже не приходилось: стоящие в этом месте люди могли ехать только в одну сторону. Но садиться в машину к кому попало девушка не собиралась.

– Нет, спасибо, – сказала Аня, демонстративно пододвигая крайний чемодан поближе к толпе людей. – Я на автобусе.

– Сдался тебе тот автобус, – хмыкнул мужик, не теряя надежды подвезти молодую девушку на своей старой десятке с любовно заклеенным скотчем бампером. – Заразу только цеплять.

Аня покосилась на медицинскую маску, подпиравшую мужику подбородок. Маска была уже размахрившаяся, жутко грязная, и держалась на веревочке, перекинутой через шею. Впрочем, у будущих пассажиров автобуса маски были не лучше: сплошь самодельные, совершенно не примыкающие к носу и из таких тканей, сквозь которые дышать мог бы только профессиональный аквалангист.

Чистота масок тоже была просто удивительной: некоторые были не стираны еще с прошлой пандемии. Ясно было, что надеты только для галочки – чтобы не оштрафовали. Да и как надеты: нацеплены под подбородок, чтобы при подходе полицейского патруля быстренько натянуть на нос. Для разговоров же друг с другом население вежливо маски снимало и нежно расцеловывало давно не виденных родных в обе щеки.

Сразу видно: провинция. Ну ничегошеньки люди не боятся. Пандемия? Не, не слышали. Смертельно? Пф-ф! У нас в крови девяносто процентов спирта, нас зараза не берет!

– Не бойсь, Анютка, – неожиданно улыбнулся настойчивый мужик. – Моя ласточка еще крепкая, не развалится.

Он огладил свой тарантас ладонью по железному боку и пристукнул, будто по ягодице шлепнул. Звук получился пустотелый.

– Откуда вы меня знаете? – несказанно удивилась девушка.

– Тю! – рассмеялся мужик. – Дядя Боря я, сосед родителей твоих, царство им небесное.

Он перекрестился. Аня пригляделась получше, и в голове у нее будто что-то щелкнуло. Точно! Это ж дядя Боря с пятого этажа! Сантехник в ЖЭКе. Отец еще с ним пиво пил по праздникам. Ё-мое, постарел-то как.

– Ой, простите, дядь Борь, не узнала, – покаялась Аня, смущенно заложив руки за спину и опустив голову, будто маленькая девочка.

– Хых, – мужик, наконец, вынул изо рта измусоленную сигаретку и выбросил ее за окно. – Богатым буду. Садись, малая. Прокачу по старой памяти. Я как раз в город еду.

Вообще-то Косяковка давно уже городом не была. Это только в советское время там работало аж два завода и кипела жизнь, да и имя населенный пункт носил другое, звучное и гордое – Троцк.

Впрочем, у жителей из-за этого была серьезная проблема с именованием себя. Удобно, когда ты москвич или питерец. Но как называться, если проживаешь в Троцке? Троцковец? Троцковчанин? Троцун? Троцкист? Троцер? Язык сломать можно.

Так что после развала Советского Союза жители решили вернуть дореволюционное название. Но пока местная бандитская шушера делила власть и растаскивала остатки былой роскоши, заводы позакрывались, молодежь сбежала в столицы, и город перестал быть городом. Название-то вернули, а статус потеряли, и Косяковка, как и в древние времена, зажила тихой деревенской жизнью.

Аня не стала ломаться. Да, живи она все еще в Москве, сесть в машину к малознакомому соседу с пятого этажа нипочем не согласилась бы, ибо это чревато последствиями. А в мухосранских вроде ее родного городка-деревни такой вот дядя Боря – побезопаснее женщины-таксиста.

Кое-как утрамбовав на заднее сиденье, заваленное рыболовным хламом, свои чемоданы (багажник был занят тайком украденным с полей навозом), девушка села на переднее сиденье и потянула за ремень безопасности.

– Не-не, не пристегивай! – замахал руками дядя Боря.

– А как тогда? – растерялась Аня, неловко замерев с уже вытянутым ремнем.

– Да тут кнопка сломалась, – сказал бывший сосед, демонстрируя раздолбанное крепление. – Все никак руки не доходят починить. Если вставить – заклинит намертво. Ты просто вытяни до конца – он застопорится и обратно не ускользнет. И рукой вот тут придерживай, как будто пристегнулась, ага. Это чтоб менты не заметили.

Аня послушно прижала к бедру вялый ремень, даже не думающий ускользнуть обратно в отверстие. Было, мягко говоря, неловко – и в прямом, и в переносном смысле. Дядя Боря повернул ключ. Что-то заскрипело, зацарапалось под капотом, будто бешеный метровый тарантул.

– Давай-давай, родимая, заводись... – забормотал мужик. – Я тебе бензинчику хорошего залью вечером, если ни разу не заглохнешь... О! Вот и умница!

Машина завелась, и дядя Боря ласково похлопал ее по пыльной приборной панели. Они покатали по колдобистому асфальту. По обеим сторонам потянулись низенькие домики с деревянными воротами, выкрашенными по древней уральской моде голубой краской. Резные наличники также ярко голубели на фоне почерневших от времени бревенчатых стен.

Впрочем, во многих местах традиции потихоньку уступали место прогрессу, и вместо антикварных окошек с двойными деревянными рамами все чаще попадались на глаза уродливые пластиковые квадраты, кое-как врезанные в старые срубы.

Прошлое уходило в прошлое. Больше не бродили по улицам козы, куры и гуси, не бегали босые ребятишки. Город пытался казаться современным, блестел яркими рекламными растяжками, выращивал на своем горбу дорогие особняки для умудрившихся разбогатеть бизне-

сменов местного разлива, но вместо этого вызывал лишь жалость, как наивная деревенская дурочка, что, надев яркое платье с фальшивым брендом, уже мнит себя столичной красоткой.

Зато все так же, как и в детстве, а то и сильнее, пахло цветущими яблоней и сиренью, а кое-где и черемухой.

– Надолго к нам? – поинтересовался дядя Боря, когда стало ясно, что автомобиль разваливаться не собирается и настроен довезти-таки пассажиров до дома. Ну, или по крайней мере, преодолеть первые шестьдесят километров, а там и пешком, в случае чего, дойти можно.

– Надолго, – кивнула девушка. – Может быть, даже навсегда.

– А чего так? – удивился дядя Боря. – У тебя же, вроде, и работа в столице, и друзья, и фитнес этот ваш. Мне Ленка рассказывала: она у меня тоже в Москву укатила. Не видала ее там? Она-то тебя видит каждый день. Говорит, в соседних зданиях работаете.

Аня вспомнила долговязую Ленку с жиденькими волосами – любительницу чупа-чупсов и коротких топиков. Ё-мое! Неужто эта Ленка и Елена Борисовна из «СтройФинанс» – один и тот же человек? Вот ведь мир тесен.

– Да надоело мне, – отмахнулась Аня, слегка покривив душой. – Шум, пробки. Спешат все вечно куда-то, даже поговорить не с кем. Вирус этот опять же...

– Да, сейчас начнется в Москве свистопляска, – покивал дядя Боря. – Опять всех дома запрут, по пропускам, как товары на кассе, выпускать будут. Ну и правильно, что уехала. У нас тут тишь-благодать. Хоть воздухом дышать можно. Работы только нет.

– Ничего, найду что-нибудь, – уверенно сказала девушка. – В крайнем случае, буду через Интернет работать, на удаленке.

– Интернет – это хорошо, конечно, – нахмурился дядя Боря. – Нам тут как раз новую вышку сделали возле клуба. Но работу ты все-таки ищи нормальную. А то в декрет выйдешь, кто тебе платить будет?

– Ой, дядя Боря! – отмахнулась Аня. – Какой декрет? Мне бы на ноги сначала встать. И я даже не замужем еще.

– Ну, это дело поправимое, – тут же обрадовался дядя Боря. – Вот у меня сосед новый – отличный мужик! По столярному делу мастак и на тракториста закончил. Пьет в меру и даже не курит.

– Дядя Боря, не надо! – взмолилась Аня, мигом вспомнив всю ту деревенскую дурость, от которой она когда-то пыталась сбежать.

– Не нравится? – по-своему понял тот. – Ну, есть еще Валера с Козелкинского переулка. Отличный малый. А что губа отвисает – так это у него не с рождения, детям не передается: обухом от топора год назад прилетело. Есть еще Митюх с Зареченской – тоже отличный малый. Не курит, не пьет и при деньгах: пенсию по инвалидности получает. Серега с лесопилки тоже неплох, но молод больно: не нагулялся еще. Из Буденовки двоих ребят знаю...

– Дядя Боря, не надо, – настойчиво повторила Аня. – У меня уже есть... парень.

– А, ну тогда другое дело, – тут же свернул с опасной колеи бывший сосед. – А чего он не с тобой?

– Да он... э-э-э... в армии сейчас, – нашла девушка. – На Камчатке. Только-только забрали.

– Эко ж его занесло, – присвистнул дядя Боря. – Скучаете, поди, друг без друга?

– Скучаем, – притворно закивала Аня, довольная, что удалось сочинить такую удобную легенду.

Армия – это как минимум на год. Потом можно будет наврать, что «парень» ее бросил и еще полгода изображать безутешную влюбленную, не готовую к новым отношениям. А то знаем мы этих деревенских доброжелателей: только отвернись, тебя уже сосватали.

Причем особенно всех волнуют именно приезжие или вернувшиеся после долгой отлучки люди: отчего-то у сельских жителей почесунчик начинается, если новенький не женат / не замужем. Только скажи, что холост, и тебе сразу попытаются впихнуть всю некондицию.

– А ты где жить-то собралась? – наконец, оставил опасную тему дядя Боря. – В вашей квартире вроде тетка ваша живет, нет?

– Двоюродная бабушка, – поправила Аня.

– Вредная она, – не преминул пожаловаться дядя Боря. – Когда заехала, я к ней со всей душой, а она: «Алкаш недоделанный!». Ну какой я алкаш? Я и не пью вовсе. Вот сегодня даже пиво еще не глотнул, только кваса на перегоне перехватил. Что, если сантехник, так сразу пьянь подзаборная, что ли?

Мужик обиженно поджал губы и брезгливо потер шею, будто по ней прошлись веником или половой тряпкой.

– Да, тетя Марина у нас строгих правил, – улыбнулась Аня. – А вы к ней, поди, с бутылкой пришли?

– Ну не с цветами же! – возмутился дядя Боря. – «Столичную» взял, закуски хорошей. Все, как положено у добрых людей. А она – веником. Грымза.

Аня со смехом покачала головой. Эх, ничего-то тут не меняется. Соседей по-прежнему принято привечать хлебом-солью (читай: водкой-колбаской), любая работа выполняется «за бутылку», задрипанный Алапаевск, о котором в Москве и не слышал никто – это Город, а зарплата в тридцать тыщ деревянных – бешеные деньги.

– Так что, к тетке подселешься? – снова спросил бывший сосед.

– Не-а, – отмахнулась девушка. – Мне тут, вроде как, домик по наследству достался. От дяди, царство ему небесное.

– Ты заявление-то написала? – тут же забеспокоился дядя Боря. – Полгода всего дается. А то смотри, понабегут всякие желающие, дай только срок. Вот, помню, материно наследство делили... Ой, что было!

Дядька сплюнул.

– До сих пор с сестрами не разговариваю, – признался он. – Из-за каждой копейки судились, вещи материны чуть не с руками друг у друга вырывали, медали отцовы перекупщику сдали. Хабалки. Только о деньгах и думают. А мать так и лежит под деревянным крестом, никто даже надгробие не заказал. Стыдобища. Я о прошлом годе оградку кованую сделал, овал хороший. А они даже помянуть не пришли. Ну и черт с ними... Так написала заявление-то?

– Написала-написала, не беспокойтесь, – ответила Аня. – Почти неделю по Городу моталась: контора эта нотариальная, чтоб ее, на карантин закрылась. Пришлось искать дежурную. А там как давай меня за всякими бумажками дергать. Страшно, блин: зараза вот-вот до Урала доберется, а я тут мотаюсь.

– Да, двадцать первый век на дворе, неужели трудно в электронном виде все сделать? – поддакнул мне дядя Боря, хотя сам наверняка с компьютерами не дружил, но поддержка собеседника важнее.

– Именно, – кивнула Аня. – Свидетельство о смерти у его бывшей жены пришлось добывать чуть ли не с боем. Они ведь с дядей Володей как сорок лет назад поженились, так и развелись через год. Дом он уже без нее покупал, но эта странная тетка отчего-то надеялась, что удастся отсудить, представляете?

– Во! Я ж тебе говорил! – удовлетворенно закивал мужик, как будто довольный тем, что не у него одного такие проблемы.

– Нотариус сказал, ничего ей не обломится, завещание честь по чести составлено, но все равно как-то неуютно, – призналась девушка. – В общем, набегалась я. Пошлина еще эта. Я тот дом лет десять не видела, даже в Косяковке пока не была, а уже полсотни тысяч на всякую

дурь спустила: пришлось ведь еще и квартиру снимать все эти дни. Не из Косяковки же ездить каждый день.

– Ой, не говори! – согласно закивал дядя Боря. – Мне вот зимой триста рублей лишних насчитали за мусор. Я говорю им: мол, какой вообще мусор, у меня тут огород, баня, я все в печке сжигаю. А они – нет, мол, так положено по законодательству. У вас двое прописано, за двоих и считаем.

Дядя Боря цыкнул и сердито продолжил:

– Считают они. В домовой книге не прописано, а у них прописано, блин! Весь город объездил, пока разбирался. И ведь что еще придумали: нет, чтобы, как раньше, на свою свалку мусор свозить, так они – не поверишь! – его в Алапаевск везут.

– Серьезно? – удивилась Аня. – Это ж больше шестидесяти километров.

– Ага, – подтвердил дядя Боря. – Глупость, правда? Вот так съездишь за покупками в Город, домой все привезешь, съешь, а упаковка в помойку – и обратно, в Алапаевск покатила. Смех да и только. Катают мусор туда-сюда, тур по городам России устраивают.

– Да, тупость, – протянула девушка.

– Особенно смешно, когда ветки, листья и сорняки грузят, – сказал дядя Боря. – Раньше-то все огороды держали, кучи компостные делали, а нынче кто будет возиться? По мешкам рассовали, на машину сгрузили, и поехал мусор на прогулку в Город за наши же денежки. А потом жалуются, что засрано все.

– Бред, – покачала головой Аня и впервые в жизни встала на сторону своих подруг-активисток, принявшись объяснять старику «новомодные» принципы сортировки пластика.

Они еще немного пообсуждали косяковские беды, пожаловались друг другу на жизнь, поностальгировали о девяностых, но ничего путного друг другу не рассказали: в Косяковке все было по-старому, а о московских событиях дяде Боре рассказывала дочь.

Впрочем, их бесполезная болтовня сделала главное: позволила выговориться и настроила на добродушный лад, так что когда разговор иссяк, двум землякам и в тишине отлично ехалось дальше.

Вскоре за окнами десятки потянулись молодые леса: сосенки и ели ростом от силы по плечо густо-густо укрывали землю. Стволы были крепенькие, ветки пушистые, макушки на одной высоте, будто их кто специально подравнял.

По документам эти земли числились как сельскохозяйственные, но принадлежали вовсе не лесничеству, а фермерским хозяйствам, бывшим колхозам, и должны были сейчас колоситься молодыми хлебами. Но то ли солярки для техники не хватило, то ли техника окончательно сгнила, то ли техники спились, да вот только поля уже который год никто не распахивал. Оттого-то и поросли они молоденькими деревьями.

С одной стороны, Ане было жаль, что хозяйство развалилось. А с другой стороны, кто сказал, что молодой лес – это плохо? Кислород, жилье для живности, древесина для будущих поколений и просто красота вдоль дороги.

Когда они заехали в Косяковку, дядя Боря, расчувствовавшись, провез девушку по бывшему городу кружным путем, чтобы показать, что нынче на родине делается.

На родине восстанавливалась древняя церковь (с тайными надеждами руководства поправить бюджет хоть за счет паломников), строился новый торговый центр и зарастал тополями списанный и брошенный «сангородок» – бывший комплекс из детской и взрослой инфекционки и туберкулезного диспансера.

«Заброшенка» радовала глаз новенькими вывесками и табличками, сделанными буквально за пару недель до списания, но при этом уже походила на кладбище слонов: местные успели разобрать все, что плохо лежало, от кровли до кирпичей и перекрытий.

Неплохо выглядел пруд и центральная площадь, глянцево блестел центральный магазин, по совместительству ресторан (хотя, скорее, дорогая пивнушка). Городской парк зарос до необходимого состояния, зато вокруг загаженной голубями «Родины-матери» отстроили отличную детскую площадку, подмазав это дело под программу облагораживания памятников: в кои-то веки финансы, выделенные для улучшения города, и правда пошли на благое дело.

В целом Косяковка выглядела неплохо и не так уж далеко ушла от соседнего Алапаевска. Старые почерневшие домики кое-где были обшиты новеньким сайдингом. Почти везде окна были пластиковые, и сквозь них было видно огромные телевизоры во всю стену – гордость и мечту любого деревенского жителя.

Перед голубыми воротами оград местами были припаркованы дорогие машины, явно не способные к передвижению по местным дорогам в весенне-осенние периоды и ясно говорившие своим видом о том, что принадлежат детям и внукам, приехавшим погостить.

Аня почувствовала себя неловко от того, что столько лет не возвращалась на родину – даже на родительский день. На могилы отца и матери вместо нее приходила тетя Марина, а Аня лишь присылала ей деньги на венки да поминки. Спряталась в столице от грустных мыслей, прикрылась работой и прочими делами, дававшими ощущение стабильности и иллюзию комфорта.

Но при виде родного города вся накопившаяся тоска, благодарность, чувство одиночества и стыда нахлынули на нее, едва не вырвавшись наружу слезами. Захотелось показать неведомым «всем», что она тоже помнит о своей малой родине, тоже приезжает и что-то делает для родного дома.

Оттого-то, когда дядя Боря посадил ее перед покосившейся калиткой палисадника, она гордо отказалась от помощи с чемоданами и потому не смогла вовремя обнаружить проблему отсутствия ключа и решить ее самым простым методом: силой умелых мужских рук с большим опытом ремонтов.

Бесплодные попытки попасть домой, эпизод со щенком, а следом и непредвиденный кровавый рок, наказавший парня, окончательно добили ее расчувствовавшуюся душу. Глядя на разбитый нос незнакомца, Аня вдруг затряслась всем телом, осела в мокрую траву и неожиданно для самой себя зарыдала. В голос. С длинными неровными придыханиями, всхлипами и размазыванием соплей по лицу.

– Ты-то чего ревешь, б... бешеная? – раздался обиженно-звонкий юношеский голос минуту спустя.

– Тебе не понять, урод, – гундосо ответила Аня и шумно шмыгнула в попытке загнать обратно непрошено вывалившиеся наружу чувства, на которые каждая уважающая себя леди не имеет права. Тем более на виду у какого-то живодера.

– Щенка, что ли, жалко? – снисходительно поинтересовался парень.

Он был на удивление спокоен и, похоже, даже не собирался лезть в драку в попытках отомстить за попорченную внешность, а лишь тщетно пытался добыть из старой колонки воду, чтобы смочить холодной водой платок и сделать себе компресс. Рычаг скрипел, из носа колонки скатывались ржавые капли, но нормальная вода не шла.

– А тебе, похоже, нисколько, – рыкнула Аня, сердясь на саму себя за жалкий вид и еще более жалкую перепалку с каким-то идиотом. Кое-как оторвав зад от влажной земли, она отряхнула юбку и попыталась привести лицо в порядок.

– А че мне его, палкой прикажешь забивать? – неожиданно обозлился парень, чей нос явно и неотвратимо начал распухать. – Так еще хуже.

– Мог бы совсем не убивать, – сказала Аня.

– А куда девать? – задал встречный вопрос парень. – Всех забрали, этот не нужен. Возьмишь?

Он протянул мешок.

Они посмотрели друг другу в глаза. Парень вдруг смутился и опустил голову, отгородившись от взгляда девушки плоским козырьком кепки, нахлобученной отчего-то поверх банданы – видимо, по едва-едва добравшейся до этих мест моде две тысячи десятого.

– К ветеринару-то не ага отвезти, если уж так приспичило избавиться? – наконец нашлась Аня. – Нормальные люди животных усыпляют.

– Вот еще, – фыркнул парень. – Я тебе олигарх, что ли? К тому же, у наших коновалов все равно таких укольчиков нету. В Алапаевск придется ехать, в ветклинику. Тебе надо, ты и вези.

Он сунул ей трепыхающегося в мешке щенка.

Аня растерянно взяла – как тут не возьмешь, если подала себя как зоозащитницу? Сказала «А», говори и «Б», иначе говоря – разбирайся сама с жизнью того, кого спасла.

«Ладно, разберусь как-нибудь, – подумала она. – Уж одному щенку-то хозяин найдется».

Постояв немного в неловком молчании, Аня наткнулась взглядом на разбитый нос собеседника.

– Холодное надо приложить, – неловко сказала она, чувствуя свою вину.

– Без тебя знаю, – парень наклонился, выдрал комок мха с мокрой глиной и приложил эту антисанитарию к распухавшему органу.

Девушка помялась немного, не зная, что делать дальше. Покрутила головой. Обнаружила древний киоск, чудом сохранившийся с девяностых: все такой же кривой, окрашенный дешевой краской и облепленный выгоревшими наклейками с детских жвачек и обертками от продаваемых товаров. Куски лейкопластыря с написанными от руки цифрами заменяли ценники, и они же удерживали своеобразную «рекламу» продукции на месте.

Аня подошла и мельком изучила ассаортимент.

– Воду маленькую и самое дешевое мороженое, – сказала она в окошко.

Из глубины киоска на нее недовольно глянуло бесполое существо лет этак восемнадцати: в мини-юбке, но на девочку не похожее. Оно лениво отложило в сторону телефон и полезло куда-то во тьму: наверное, в холодильник. Спустя десять секунд из окошечка чуть ли не в лицо Ане были выброшены бутылка воды и помятое мороженое.

– Семисят рублей двадцать копеек, – потребовало существо.

Аня привычно вытянула из кармана телефон и поднесла было к окошку, чтобы расплатиться, но терминала для оплаты там не оказалось. Причем не то что бесконтактного: тут не было даже обычной кассы.

«Ой, точно: это же Косяковка, – подумала она. – Интерактивный исторический музей под открытым небом. Почувствуй себя жителем двадцатого века, и все такое».

Девушка неловко застыла, сообразив, что товар ей уже выдали, и он тает у нее в руке, а наличка осталась в сумке под забором. Сбегать по-быстрому? А вдруг подумают, что убегает с товаром? И когда она уже научиться думать прежде, чем делать?

– Э... С телефона оплатить можно? – на всякий случай уточнила Аня, еще лелея тщетную надежду не показаться душой.

– Я те че, перекупщик – телефонами оплату брать? – возмутилось существо. – Ты еще натурой расплатись, ага. Деньги давай!

– Галь, захлопнись, а? – вдруг таким же вальяжным голосом потребовал уже знакомый голос из-за спины Ани, и «пострадавший» грубо оттеснил ее от окошечка. – Чё опять завелась на пустом месте? Видишь ведь: девушка городская, наличку еще не сняла. Ща пообвыкнется, начнет по-человечески расплачиваться.

– Да пока она тут банкомат найдет, у меня смена закончится, – стояла на своем Галочка. – Понаехали тут всякие. А ну, верни товар, нищесбродка!

Из окошка вытянулась рука с хищно растопыренными пальцами. Аня от неожиданности отшатнулась – уж больно жутко выглядел красный облупившийся маникюр. К счастью, ее снова выручил случайный кавалер:

– На, жри свое бабло, – парень сунул в протянутую пятерню три помятых бумажки.

Рука моментально втянулась обратно. На некоторое время в киоске установилась удовлетворенная тишина. Но ненадолго.

– А двадцать копеек? – снова угрожающе повысило голос существо, не досчитавшись богатства и готовясь продолжить скандал.

– Завтра занесу, – парень, как ни в чем не бывало, вытащил из рук растерявшейся Ани бутылку с водой и принялся ее открывать.

– Сегодня! – потребовало упертое существо.

– Вечером, – тем же мирным тоном сторговался он.

– Я до пяти, – предупредило существо, неожиданно резко сменив интонацию с хабалистой на нежно-воркующую. – Сегодня короткий день, ты уж не забудь.

– Угу, – безразлично ответил новый Анин знакомец, полил водой носовой платок и стал смывать с носа кровь и грязь.

– Давай, я, – предложила Аня, окончательно сраженная чередой глупых и неловких событий дня.

Парень немного подумал, кивнул и предоставил ей свою физиономию.

Нос уже здорово распух, а кровь местами успела подсохнуть. К счастью, натекла она вовсе не из открытого перелома, как уже успела навоображать себе устыдившаяся девушка, а всего-то из пары лопнувших капилляров где-то внутри.

Отмытое лицо оказалось очень даже приятным, пусть и с клоунским «помидором» по центру. Мороженое, завернутое в погрязневший платок, прикрыло пострадавшую область.

Все время процедуры парень смотрел куда-то в сторону, но в какой-то момент напрягся и оглушительно рывкнул:

– Эй! А ну, руки прочь!

Аня подскочила, едва не выронив компресс. Но окрик предназначался вовсе не ей: воспользовавшись тем, что хозяйка отлучилась, какой-то предприимчивый мужик попытался присвоить ее вещи. Будучи застуканным, он тоже подпрыгнул от неожиданности и заозирался по сторонам.

Перехватив оригинальный компресс из Аниных рук, парень принял уверенную позу и крикнул еще, адресуя свои слова неудачливому воришке:

– Э! Не слышишь, что ли?

– Да я че? Я ниче, – небритый мужик тут же убрал руки от брошенных возле дома чемоданов. – Я думал, ничейное. Навалили тут у самой дороги, понимаешь, еще возмущаются...

– Я те дам «ничейное»! – парень показал вору тощий кулак.

Как ни странно, это сработало. Хотя, скорее, дело было в слишком большом количестве свидетелей: вон, и продавщица сверкнула глазами из тьмы киоска – вот-вот полицию вызовет.

Разочарованный, мужик сунул руки в карманы грязных бесформенных штанов и, как ни в чем не бывало, пошел дальше, бухтя себе что-то под нос про «наше время» и «понаехали тут».

– С-спасибо, – пробормотала Аня, чувствуя себя вдвойне душой. Ну и день у нее сегодня выдался. Вот было бы «весело», если б пришлось идти в ментовку на поклон.

– Ты бы вещи-то занесла в ограду, – посоветовал парень. – Дом у самой дороги: тут куча народу ходит, вообще-то – на пляж. Ну, и на выгон тоже.

– А я... я ключ потеряла, – соврала-призналась девушка.

Ей вдруг очень-очень захотелось, чтобы кто-нибудь прекратил этот поток неприятностей и решил ее проблемы сильной мужской рукой. Хотя на мужчину это худое нечто тянуло с большой натяжкой.

– Ключ? – парень хмыкнул себе под нос. – Может, еще карту магнитную, как в шпионских фильмах?

– Эмм... – девушка прикусила губу.

Парень смотрел на нее насмешливо, так что явно напрашивался один-единственный вывод: что-то тут нечисто, и она, похоже, снова выставила себя дурочкой.

– Ты в какую дыру его вставлять собралась? – уточнил парень, ослабившись и склонив голову, отчего стал похож на хитрого лиса-клоуна.

– В скважину. Замочную, – уже понимая, что именно тут-то и скрыт подвох, но не имея возможности сойти с кривой дорожки, пробормотала девушка.

– Че? Наследница, поди? – понимающе уточнил собеседник, похоже, знавший прежнего обитателя дома.

– Племянница, – окончательно сдалась девушка, принимая ведомую роль в их неловком разговоре.

– Пойдем, – снова ухмыльнулся парень и, не дожидаясь ее реакции, пошел в сторону дома.

Ане ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, как на поводке. Обоим было неловко. Причем парень еще и храбрился и явно строил из себя «крутого».

– А теперь фокус, – важно сказал он, дойдя до ограды. Нажал на гладкую отполированную ладонями железяку, торчащую из столба ворот, и толкнул ногой дверь. Та открылась.

Аню обдало волной стыда. Это ж надо было забыть про старый добрый крючок с ручкой! Деревенское изобретение, которому в обед тыща лет: раньше в деревнях ворота закрывались, только чтоб зверье ненароком не зашло, а люди завсегда в гости зайти могли. Нужно было просто нажать на железяку, и все. А она маялась, как дура, целый час.

– Мадам, – парень издевательски приложил ладонь к груди и чуть склонил голову, как заправский мажордом. – Проходите, я занесу ваши вещи.

Аня глянула вглубь ограды, увидела кучу древнего барахла, стену дома и вдруг просияла, сообразив, как можно выкрутиться из глупого положения.

– Да мне не ворота нужно было открыть, а двери в дом! – сказала она и ткнула пальцем в дверь, в которой наконец-то наличествовала замочная скважина. – Ворота каждый дурак открыть может. Я от дома ключи потеряла.

Губы у парня дрогнули, по лицу прокатилась волна плохо сдерживаемых эмоций, а в глазах заиграли уже откровенно угорающие искорки. Справившись с собой, он важно подтянулся, сделал четыре шага по направлению к деревянному порогу и... снял ключ с гвоздя.

Аня покраснела вся – от макушки до бледных ягодиц в трусиках с клубничками. Это ж надо было так опростоволоситься перед каким-то деревенским обитателем. Тридцать лет прожила, а глупостей за один день успела наворотить не хуже тинейджера.

– Прошу, – парень открыл дверь и склонился в шутовском поклоне, пропуская даму.

– С-спасибо, – пропищала девушка и юркнула внутрь, едва не сбив своего спасителя с узкого деревянного крыльца.

– Если что, меня Игорем звать! – крикнул он ей вслед. – И не стоит благодарности! Обращайтесь еще!

Глава 2. Новая хозяйка старого дома

Аня пряталась в доме, пока сердце не вернулось к нормальному ритму, а румянец не угас хотя бы на лбу. Стыдно было – страсть.

И главное: за что бы? Ну, сваяла дурака, с кем не бывает. Надо было посмеяться вместе с пареньком, глядишь, хорошего друга бы завела. Тем более, что он наверняка еще и сосед: недаром ведь про «наследницу» сказал. Поди, знаком был с дядей Володи.

Но так хотелось показать себя с хорошей стороны. В конце концов, она ведь давно уже не деревенская жительница: и говорит по-другому, и одевается, и вообще. Когда живешь в большом городе, то обязательно внутренне меняешься.

Вот что важно в деревне? Чтобы про тебя хорошо подумали. А что важно в городе? Само-реализация. И ей так хотелось показать своей старенькой Косяковке, как люди живут, привнести в гниющую деревенскую тоску хоть толику всемирных идей и активностей. А в результате она лишь показала себя полной дурой, влезла не в свое дело и совершила уголовно-наказуемый акт в виде нанесения телесных повреждений незнакомцу.

Осмыслив все это, Аня закрыла лицо руками и застонала. Ну вот кто ее за руку тянул, а? Ну, утопил бы пацан неуютную псину, ну и что? Не из жажды живодерства ведь, а просто из экономии – как замену ветеринарному уколу. По-хорошему, нужно в органы весточку послать. Но тут начинаются большие «но».

Это в Москве или Питере убийство щенка – акт жесточайшего обращения с животными. А в деревне притопить «лишний» приплод – норма. И ведь правда: усыпить щенят здесь – ползарплаты какого-нибудь слесаря. Стерилизовать сучку – примерно столько же. К тому же, не факт, что в местной ветеринарке такая процедура пройдет успешно и не закончится, опять же, усыплением животного.

Короче, нажалуйся она на это в местные органы, там только пальцем у виска покрутят. И зачем людям жизнь усложнять?

Шум машин на время стих, и в тяжелые мысли Ани ворвался вялый щенячий писк. Ой, блин, он же все еще в мешке!

Спохватившись, девушка поторопилась вытащить бедолагу. Положила пса в сених на какой-то тулуп и задумалась: куда его девать? В ветеринарку она не поедет: и дорого, и страшно лишний раз здоровьем рисковать. И так маску почти три часа не меняла.

– Ладно, переночуй тут, потом разберемся, – сказала она. – А сейчас мне надо осмотреть дом.

Решив так, Аня вышла в ограду и оглянулась. Места тут было много: как раз, чтобы машина поместилась. Машины у нее, правда, не было, но в ближайших планах транспорт числился. Зато теперь у девушки была коллекция каких-то палок, старых метел и лопат, огромная поленница, три пары жутких калош, сапоги-болотники высотой чуть ли не выше самой девушки, рыболовные сети, морды, удочки и прочее.

В ограде крепко пахло навозом, животным жиром и овечьей шерстью. В потолочную балку был вбит жутковатого вида крюк, а прямо под ним на досках виднелись следы плохо затертой крови. Не проводи Аня в детстве каникулы у бабушки в деревне, непременно вообразила бы себе какую-нибудь жуть и принялась бы звонить в органы, в который раз выставив себя дурой. Но, к счастью, на этот раз судьба просчиталась: Аня знала, что на таких крюках просто свежуют туши, а кровь, наверное, всего лишь выплеснулась из случайно задетого ногой корыта для ее сбора.

И тут девушку посетила страшная догадка. Покрывшись мурашками с головы до ног, Аня метнулась к внутренним воротам, ведущим в конюшню. Ухватила за кованую ручку,

потянула и... уставилась на стадо овец, стоящих у кормушки с сеном. Овцы, соответственно, уставились на нее.

– Баааа? – первым подал голос большой баран и притопнул ногой. Ему поддакнула жирная пузатая овца.

– Э-э-э... – ужаснулась в ответ Аня. – Мы так не договаривались.

Она бешено закрутила головой, оценивая масштаб бедствия. Под крышей теснились проволочно-деревянные сетки, полные непрестанно что-то жующих кроликов. Тут и там виднелись (и здорово пахли) свежие коровьи лепешки, свидетельствующие, что хозяйство у нее теперь богатое. Блин, она ведь даже не заглянула толком в документацию! Что теперь со всем этим делать-то? Кому звонить, куда бежать?

– Так, Аня, успокойся, – она взялась за виски, прошелестев маникюром по волосам. – Животные не шумят, от голода не кричат. Коровы в конюшне не наблюдаются. Значит, кто-то за ними тут ходил и даже корову на выпас вывел. Соседи какие-нибудь. Можно им раздать весь этот зоопарк. Мне ведь не жалко? Не жалко. Кто заботился, тому и отдам.

Идея была отличная и сразу снизила градус паники. Девушка переступила с ноги на ногу и обтерла прилипший к туфле навоз о край возвышающейся над полом досочки.

– Ме-е-е! – тут же заявило белое тело с острыми рожками и подошло к пустой кормушке.

– Ба-а-а, – согласно завопили овцы и принялись наперебой голосовать за выдачу дневной нормы сена.

– М-м-м-у-у! – требовательно раздалось за спиной у Ани, и с улицы в ворота бухнулась чья-то нетерпеливая рогатая башка: похоже, вернулась с выгула в общем стаде обученная самостоятельности буренка.

– Ма-ма, – протянула вмиг ослабевшая Аня, но не дала себе плюхнуться на землю: там было слишком много навоза.

– М-м-му-у!! – еще более требовательно заявила обладательница большой башки и повторно боднула ворота. Ворота выдержали, но не выдержала девушка.

– Иду-иду! – крикнула она, как будто корова могла ее понять, и помчалась к выходу, по пути заскакивая прямо в лофферах в огромные калоши размера этак пятидесятого.

Корова, которой наконец-то открыли дверь, на смену хозяев не отреагировала никак. Она тяжело протопала по доскам в свой угол и сунула морду в большую бадью. Недовольно боднула ее. Бадья подпрыгнула, опрокинулась и покатилась. Корова сурово уставилась на нерадивую хозяйку, всем своим видом говоря: где моя еда?!

– Э-э-э... – снова пискнула Аня, не зная, чего от них всех ожидать.

Животные зашевелились и начали наперебой требовать ужин.

– Да тихо вы! – попыталась урезонить их девушка. – Сейчас кто-нибудь придет и покормит вас.

Но никто не торопился ухаживать за хозяйством. Корова топала все настойчивее, овцы орали все громче. Ане ничего не оставалось делать, кроме как попытаться их напоить-накормить.

Воду она натаскала худым ведром из какой-то бочки, молясь, чтобы та была для питья и не стала бы причиной смерти и этих бедолаг. Потом увидела в углу вилы и попыталась снять с сеновала кусок свисавшего оттуда сена. Но привычки к подобному труду у девушки не было, и пришлось лезть на сеновал и кидать сено сверху. Калоши не спасли, и лоферы тут же наполнились мелким и колючим травяным мусором.

Пошарив по ящикам в ограде, девушка нашла запасы какого-то зерна и щедро сыпнула в кормушку. Овцы сразу заткнулись и принялись быстро уничтожать угощение, прихватывая его мягкими губами. Их упитанные мохнатые тушки плотно-плотно сгрудились в одном углу, освободив большую часть помещения. Но корова продолжала требовать непонятного.

Аня вспомнила, как в детстве бабка давала своей буренке неведомую «мешанку» с навсегда запомнившимся ей ярким запахом томленного в печи картофеля. Мешанка всегда хранилась в доме. И – о, чудо! – сбегав туда, девушка обнаружила полный чан в сених, явно свидетельствующий о том, что хотя бы раз в день сюда кто-то да заходит. Так что надежда на то, что ей удастся сбавить все это добрым людям с пользой для обеих сторон, разгорелась в ней с новой силой. Нужно только не уморить животных до прихода этого неведомого «кого-то».

Кое-как дотащив чан до конюшни и обломав по пути пару ногтей, девушка-таки удовлетворила самую требовательную и при этом самую опасную животину и даже почувствовала нечто вроде гордости, глядя, как та жуёт.

Добравшись до середины чана, корова подняла морду и благодушно лизнула новую хозяйку в ухо шершавым, как пластиковый ковер для задержания грязи, языком. Аня рассмеялась. Но радость ее длилась недолго: ровно до того момента, как корова ткнула мурлом в сторону распухшего вымени и сказала свое очередное «Му».

– Ну, ё-мое, мы так не договаривались, – снова расстроившись и уже прекрасно понимая, что никуда она от этого «подарка» не денется, Аня поплелась искать какую-нибудь емкость.

Доить коров она не умела. До панических вскриков боялась, что корова ее лягнет или наступит на ногу копытом, так что доярка из нее получилась так себе. К счастью, буренка была очень спокойная и доившаяся не первый год, судя по тому, с какой легкостью из вымени бежало молоко. Опустошить вымя до конца Ане не удалось, как она ни старалась, но корова, вроде бы, выглядела довольной. По крайней мере, когда девушка встала, та сразу пошла в свой угол, едва не опрокинув кастрюльку со свеженадоенным молоком.

Насовав кроликам кем-то уже заботливо подготовленной травы и заперев животину, Аня вздохнула свободнее и продолжила исследование доставшегося ей богатства: правда, уже с некоторой опаской. Все-таки, как ни крути, а наследство – это медаль с двумя сторонами. Вроде бы и радость, а вроде бы и гадость.

Тяжелое предчувствие ее не обмануло. Недалеко от «избушки для уединения» в длинном темном коридоре были развешены два необъятных грязно-белых комбинезона и несколько шляп с сетками – накомарников. Тут же висели рамы с остатками сот и какие-то непонятные инструменты.

Выглянув в огород, Аня уже с мрачным удовлетворением обнаружила там шесть ульев, небольшой огород, грядку с цветами и картофельное поле. М-да. Очаровательная перспектива, ага. Не-не-не, ребятки, надо срочно что-то с этим делать. Пусть прямо завтра приезжают и вывозят. Ну ладно, кролики, ладно овцы. Но коровы, ПЧЕЛЫ!!! Не-не-не! Срочно в Интернет, срочно.

Даже не заходя в дом, Аня принялась судорожно шариться по просторам сети в поисках хоть какой-нибудь помощи. Как назло, все кругом предлагали только купить рогатый скот, причем уже в виде мяса. Забирать у нее живой товар не хотел никто, даже забесплатно.

На всяких там площадках для частных объявлений для подобных вещей и раздела-то не имелось. Ближайший мясокомбинат, с которым Аня связалась, по-хамски намекнул девушке, что с головой у нее не все в порядке, раз она предлагает туши без каких-то там сертификатов. Приют для животных даже намекать не стал, а прямо посоветовал провериться у психиатра, услышав, что она хочет подарить им пчел, кроликов, овец, корову и козу.

Ничего не оставалось, кроме как смириться и ждать, не придет ли неведомая соседка-благотельница, чтобы забрать у нее все это добро. Пусть даже и с конюшней вместе, и с огородом – невелика потеря. Все равно из нее фермер курам на смех. Вон, всего пару часов потрудилась, а ногти уже переломаны, на бедре синяк, да и ноги до колена измазаны навозом.

Отметив этот факт, девушка задумалась над еще одним немаловажным вопросом: как тут обстоит дело с водой?

Вернувшись в дом и обойдя немногочисленные комнаты, она пришла к неутешительному выводу, что ванны нет. Не было даже ночной вазы или биотуалета, какие обычно ставят на дачах. Только умывальник притаился в самом темном углу за огромной печью. Ну, ладно. Положим, в туалет она действительно пока может бегать и на улицу: лето на дворе, не околеет. Но помыться-то как-то надо, верно? И раз нет ванны, должна быть баня.

Дважды обойдя свою «усадьбу», применив пространственное и логическое мышление и обнаружив пробелы в мысленной карте, Аня нашла еще одну, ранее незамеченную и замаскированную под забор дверцу. За ней действительно скрывалась баня: темная, сырая и холодная. Топить ее девушка побоялась: по крайней мере, без предварительной консультации в интернете или у сердобольных соседей. Так что мыться пришлось холодной водой. А потом еще и ужинать парным молоком и сухарями, потому что ничего другого не нашлось. А парное молоко – это бе-е-е-е.

За всеми этими хлопотами незаметно подкралась ночь. Задержав старинные занавески с «ришелье», девушка села за круглый стол, обняла себя за плечи и замерла. Тишина старого города-села обволокла ее со всех сторон.

К вечеру поток машин, снующих туда-сюда по дороге, снизился до нуля, и на улице было тихо-тихо, только пел где-то вдалеке пьяный баянист, да ругалась в соседнем дворе визгливая хозяйка. В доме было спокойно и... очень одиноко. Прямо до жути одиноко. И как она раньше не замечала, как это страшно: сидеть дома одной?

Нет, Аня не боялась грабителей, темноты, мышей или еще чего-нибудь в этом роде. Она просто никогда прежде не замечала, насколько она никому не нужна. Вот уехала, и никто даже не остановил, не пошел провожать. Да что там: даже сообщение не отправил никто, не поинтересовался, хорошо ли добралась.

А она вовсе не хорошо добралась. Аня целую неделю моталась по инстанциям, собирая бумажки и внутренне трясясь, понимая, что если вдруг все сорвется, она останется и без дома, и без денег, потому что придется спустить их на съем квартиры и прочее. К тому же, она выставила себя полной дурой (хорошо хоть, всего лишь перед подростком), вляпалась в дерьмо (в прямом и переносном смысле), а теперь даже не знает, что ей делать дальше. Спать? Ну да. А дальше? Опять животных кормить? И что, так по кругу? А как же общение, личная жизнь?

Нет, похоже, она совершила очень большую ошибку. Не роковую, конечно, но серьезную. Что она будет делать тут, в глуши? Кому сдалось ее экономическое образование и городские навыки в такой деревне? Да она даже печь растопить без чужих советов не в состоянии! Нет, придется все это добро продавать. Но кто ж купит-то? Вон, на соседней улице дома по несколько штук брошенные стоят, как в мультике «Простоквашино»: живите, кто хотите.

– Вот я дура-а, – кисло протянула Аня, зависнув над кружкой так и не допитого молока. – Ничему жизнь не учит. Была у меня работа, друзья, деньги. А теперь ни работы, ни денег, ни друзей, одни овцы с кроликами. Ну, капец просто.

Аня стерла ненароком наворачившуюся слезу. На самом деле, потеря работы и части средств ее огорчила не так сильно, как можно было бы подумать. Отчего-то сильнее всего ударило по самолюбию безразличие «друзей» к ее отъезду.

Неужели там, на прежнем месте, никто даже не заметил ее пропажи? Неужели подружкам без разницы, кто лайкает их фото с рассортированным мусором: она или прочие люди? Неужели тот симпатичный тренер, что уже успел насорить ей в личку коллекцией любимой музыки для тренировок, нисколько не расстроился, что «рыбка» соскочила с его любовного «крючка» и умчалась в дальние моря?

Про бывшего и вспоминать не стоило: хоть они и разошлись весьма мирно, и даже сошлись на мнении, что «секс по дружбе» – это неплохая идея, но тем не менее, с прощального «по-дружбе» так друг другу ни разу и не написали.

– Эй, Володя! – раздалось из открытых настежь оконных створок. – Срочная доставка в Рюхаловку: кричащий гриб и компост для него. Володька, э! Ты спишь уже, что ли?

– Извините, дядя Володя умер, – разочаровала Аня посетителя – немолодого мужчину в выгоревшей кепке.

– Здравстье, – растерялся гость, когда она выглянула в окно, и торопливо сунул под полу пиджака какой-то сверток. – А вы? А...

– Племянница его, – подсказала девушка, которой неловко было разочаровывать дядюшку. Или, правильнее сказать, дедушку.

– Соболезную, – сказал гость. – Но вы... это... Вы ведь тоже...?

– Что «тоже»? – не поняла девушка.

– Ну, работаете? – гость оглянулся по сторонам и перешел на заговорщический тон. – Доставляете, в смысле? А то у меня тут товар портится... Ну, вы понимаете... побыстрее бы...

– Нет, не понимаю, – в голосе Ани прорезались холодные нотки: еще она всякими мутными делами не занималась. – Уходите, а то в полицию позвоню.

– В полицию? – шарахнулся от окна посетитель, окончательно заверив девушку в своей неблагонадежности. – Чего это сразу в полицию? Что я вам сделал-то? Я ж просто с товаром... Мне курьер нужен, срочно...

– Идите на почту, – посоветовала девушка.

– Так ведь закрыто там, ночь уже, – развел руками мужчина. – И попортят еще: товар-то ценный, нежный.

– Тогда берите такси и везите, – неумолимо продолжила отшивать странного посетителя Аня.

– Да уж видно придется, – мужчина недовольно покачал головой и поцыкал, косясь на девушку, а потом все-таки пошел прочь, еще пару раз на нее оглянувшись, и канул во тьме не освещенного переулка.

– Хм, – нахмурилась Аня и сложила руки на груди.

Дядя Володя всегда представлялся ей человеком благонадежным. Неужто под старость лет подался в перекупщики? То-то дом такой добротный на фоне других развалюх. И ремонт хороший, и мебель неплохая, и всякие телевизоры-магнитофоны имеются, хоть и морально устаревшие лет на десять.

За окном снова раздался шорох приближающихся шагов, а затем – требовательный стук.

– Кто там? – настороженно поинтересовалась Аня, не торопясь на этот раз отодвигать занавеску и вместо этого берясь за телефон: вдруг снаружи какой-нибудь бандит? Может, лучше сразу вызвать полицию, не дожидаясь, пока человек заговорит?

– Государственная курьерская служба, – оттарабанил человек с такой специфической презрительно-усталой интонацией, что сразу стало понятно: не врет, сто процентов работник гос.канцелярии. – Агнесса Марьямовна Зеленолист?

Аня поморщилась. Аней ее все звали исключительно по ее же просьбе. В документах же девушка числилась именно под таким странным именем, которое с детства приучило ее держать лицо: поди-ка, почувствуй себя нормальной, если у тебя и имя, и фамилия, и даже отчество смешные.

– Ну, есть такая, – ворчливо ответила она, отодвигая-таки шторку окна и разглядывая стоящего внизу незнакомца.

Человек явно носил форму, судя по покрою и отделке. Но чья это была форма, непонятно. Почтовая, что ли? Как в старину? С Косяковки станется сохранить и такую традицию. Точно: вон на сумке значок «Почты России».

– Вот документы на передачу участка, – мужчина бухнул на подоконник толстый желтый конверт формата А4. – Распишитесь.

– Участка? – растерялась девушка. – Какого участка?

– Ну уж не московского, – огрызнулся мужчина. – Распишитесь уже, меня жена ждет. Я, в отличие от вас, по дневному графику работаю, и в «Государственной курьерской» временно, из уважения к Андросию Кузьмичу. У меня рабочий день уже два часа, как закончился. Только из-за вас и задержался.

– Ой, извините, – растерялась Аня и послушно расписалась на каком-то листе в планшете. Мужчина забрал его, коротко попрощался и собрался было идти, но девушка окликнула его:

– Простите, а что мне с этим делать? – она помахала в воздухе конвертом.

– Заполните и завтра занесёте начальству, – ответил ей мужчина, уже уходя. – Там поставят печать, и можете работать себе дальше.

– Но... – Аня вытянула ему вслед руку, не зная, что еще спросить.

– Спокойной ночи, – мужчина, не оборачиваясь, махнул ей ладонью и скрылся в ночи.

Что еще за номер? И почему так поздно? Впрочем, наверное, он уже заходил утром, не застал и просто решил еще раз зайти в конце рабочего дня, чтобы дела не копились. Тем более, что письмо заказное: у него, наверное, какой-то срок годности есть. Расписаться опять же потребовали. И откуда только имя узнали? Может, что-то случилось на почте с ее вещами, которые она отправила из Москвы?

Аня вернулась было в комнату, чтобы вскрыть пакет и прочитать бумаги, но с улицы донесся третий голос:

– Агнесса, значит, – сказал Игорь, вспрыгнув на скамеечку под окном и облокотившись о подоконник. На лице его читалось любопытство, глаза быстро перебежали от одной вещи к другой, оценивая помещение. Особенно внимательно парень оценил, собственно, хозяйку.

– Просто Аня, – поморщившись, поправила его девушка. – Ты что тут делаешь? А ну брысь!

Она замахнулась на непрошенного гостя пухлым конвертом, но Игорь ловко увернулся.

– Да ладно тебе, – примирительно сказал он. – Все так делают. Тут потому и скамеечка приколочена. А ты думала, чтобы сидеть на ней, что ли?

– Что я думаю – это не твое дело, – отрезала Аня. – Иди уже домой, а то мать потеряет.

– Я ж не маленький, ей пофиг давно уже, где меня ночами носит, – отмахнулся парень.

– А мне нет, – настойчиво сказала Аня и попыталась задернуть шторы, но упрямый гость снова их раздвинул.

– Меня вообще-то, тоже не Игорем звать, – неожиданно признался он. – Но мама ругается, когда настоящим именем представляюсь. Оно у меня странное, для языка непривычное. Но тебе-то чего стесняться? Агнесса – отлично звучит.

– Ну да, – фыркнула Аня. – Агнесса Марьямовна Зеленолист. Пряма песня, а не имя.

– Имя как имя, – пожал плечами Игорь. – Отчество по матери, да?

Аня покраснела. Там, в Москве, все свято верили, что Марьям – это какое-то татарское мужское имя. Но тут, в Косяковке, первый же подросток сообразил: женское. А раз вместо отчества материно имя, значит, внебрачная.

– Слушай, ты чего привязался? – мигом вскипела девушка. – Я сейчас полицию вызову.

– Да я так, просто мимо шел, – сразу пошел на попятный парень.

– Вот и иди, – Аня толкнула его в грудь, чтобы выдворить, наконец, из своего дома.

Игорь еще немного помаячил внизу, надеясь то ли на продолжение разговора, то ли на встречу с каким-нибудь другом. Но спустя минуту сунул руки в карманы необъятных джинсов, засвистел и тоже скрылся в темноте.

– Дурдом какой-то. – Аня покачала головой и вскрыла-таки пакет.

Внутри была целая кипа каких-то бумажек. Карты непонятного назначения, списки адресов, нечитаемые инструкции, бланки, схемы. Из всей кипы ей удалось опознать только один документ, скрепленный степлером: это был вполне себе стандартный трудовой договор.

Сведения о работодателе были уже заполнены, и в них числилась все та же «Государственная курьерская служба», только на этот раз с уточнением: «Отдел по работе с иммигрантами». В качестве предлагаемой должности было указано «Фельдгегер».

Такое слово Аня слышала впервые. Загуглив его, она смутилась еще больше. Похоже, произошла какая-то ошибка, и ее имя случайно оказалось... где? Может, на почте что-то перепутали? В конце концов, она и правда ожидала перевозку своих вещей. Они должны были прибыть в течение месяца по этому же адресу.

Может, какой-нибудь сбой в почтовых программах? Наклеили бумажку не туда, куда надо, и пошло-поехало, как обычно в нашем государстве бывает. На конверте-то ни имени, ни адреса. Да и документы не заполнены: вероятность, что они предназначались кому-то другому, огромная.

– Завтра пойду на почту и верну, – решила девушка. – А сейчас спать. Мне еще корову утром доить. Ой, скорей бы за ней кто-нибудь явился!

Решив так, девушка успокоилась и принялась готовиться ко сну. Но сон не шел, шла активная мыслительная деятельность.

В сущности, ничего страшного ведь не произошло? Дом ее. Никто на него не претендует. Животных можно отдать, как и огород. Пчел – вообще отнести в лес вместе с ульями и там оставить. Воду и канализацию – провести (со временем), а подозрительных личностей – вежливо отгладить.

Опозорилась перед пацаном? Пфф. Не конец света. Да и пацан, вроде, не болтливый, на весь город ее как столичную дурочку не ославит. А и ославит, какая разница? Это в двадцать лет кажется, что потекшая от дождя тушь непременно сделает тебя объектом насмешек для всей страны, а в тридцать ты уже преспокойно открываешь курьеру дверь в старых тапках и с зеленой маской на лице. Потому что знаешь: миру на тебя начхать. Живи, как живется.

Считаешь важным хорошо выглядеть? Молодец, будет много лайков под фоточками. Считаешь, что важна только семья? Прекрасно: будет, кому приезжать к тебе в гости под старость. Считаешь, что нужно непременно оставить след в истории человечества? Оставляй, страна будет тебе благодарна. Только ни от первого, ни от второго, ни от третьего пунктов нельзя гарантированно получить счастье. Потому что счастье – это сиюминутное состояние души. И в нем нужно тренироваться.

Вспомнив об этом, Аня растянулась на мягкой перине, слегка попахивающей стариковщиной, закинула руки за голову и попыталась познать дзен. Дзен раскрылся перед ней во всем богатстве деревянного потолка с его сучочками, потемневшей от времени уральской росписью, паутиной в углу и абсолютной тишиной спящей деревни.

Солнце давно зашло, но на небе ярко сверкала ничем не замутненная луна. Она красиво обрисовывала невысокие домики на противоположной стороне улицы, резные коньки крыш и скопища старых антенн.

На одной из крыш, уперевшись ногой в кирпичную трубу, сидел так и не дошедший до дома Игорек и пялился на звезды. Ане даже захотелось выйти и присоединиться к нему: все равно не спалось. Но старой одежды у нее с собой не было, а лезть на крышу в юбке или любимых джинсах не хотелось. Да и не по возрасту было.

Впрочем, возраст, как известно, понятие относительное. Вот в детстве ей казалось, что тридцать лет – это очень много. В тридцать лет у всех было по двое-трое детей. Тридцатилетние женщины в ее детских воспоминаниях были уже окорпусневшими крепкими бабами с тусклой кожей лица, первыми морщинами и циничным отношением к жизни.

Но, самостоятельно достигнув этого «страшного» возраста, Аня обнаружила, что циничной быть вовсе не обязательно, что фигура портится вовсе не возрастом, а образом жизни, да и кожа стареет гораздо медленнее, если о ней заботиться и лишний раз не складывать в морщины.

А еще она обнаружила, что если ничего не бояться и плевать на чужое мнение, то и в тридцать лет можно прикинуться двадцатилетней девчонкой и наслаждаться жизнью во всем ее многообразии. С одной оговорочкой: если время позволяет и здоровье.

Вот взять и прикинуться завтра молоденькой девчонкой! А что? Ее тут знают плохо, а выглядит она хорошо. Отчего бы не прожить еще одну молодость? Тем более, время есть (навалом, если припомнить продолжительность прошлой пандемии), деньги имеются.

Можно даже парня себе найти. Хоть один-то нормальный в целом городе найдется? Не может ведь такого быть, чтобы здесь были только «не нагулявшиеся» инвалиды с отвисшей губой и корочками тракториста. Где-то есть и другая разновидность парней, только-только закончивших институт и приехавших к матери погостить. Вместе с таким, если вдруг все хорошо сложится, можно и заново поехать штурмовать столицу. Вдвоем это даже проще: стоимость быта уменьшается.

Размечтавшись, Аня окончательно успокоилась и стала задремывать. На стене приятно пощелкивали старинные ходики, за окном шелестел черемуховыми листьями ветер. В какой-то момент сквозь сон она услышала, как очередной «посетитель» робко зовет Володю. Буркнула ему что-то нелицеприятное, повернулась на бок и снова стала задремывать.

Посетитель ушел. Но тут опять раздался шорох: на этот раз в сенях. То ли там топтался кто-то, то ли щенок осмелел и обследовал территорию. А может, звук шел вовсе не из сеней, а доносился через кухонное окошко из конюшни, в которой содержался целый зоопарк. В любом случае, в дом шум проникать не спешил, и никем не потревоженная девушка провалилась в глубокий сон до самого утра.

Глава 3. Микола и Андросий Кузьмич

Разбудил ее солнечный зайчик. Он больно слепил правый глаз, просачиваясь прямо сквозь веко. Аня чуть отвернула голову, но подлый зайчик передвинулся и снова принялся сверлить ей глаз. Тогда она чуть отползла. Но зайчик и тут последовал за ней. Пришлось все-таки сесть и посмотреть, что же это так отсвечивает с утра пораньше.

«Отсвечивал» один наглец с зеркальцем, все так же сидящий на крыше противоположного дома. Обнаружив, что жертва проснулась, очень обозлена и желает превратиться в хищника, он тут же прекратил свою преступную деятельность и, хихикая, шмыгнул в чердачное окошко.

Полшестого, чего ему не спится? Жаворонок в джинсах, блин.

Солнце, правда, давно уже встало, умылось чистой бирюзой небес и теперь вытиралось пушистыми перистыми облаками, обещая теплый денек, так что выходка странного соседа почти не испортила Ане настроения.

Она потянулась, с удовольствием похрустев косточками, сладко зевнула, да так и замерла с открытым ртом: в сенях кто-то явственно кашлянул. По-мужски так кашлянул, мигом обрисовав в ее воображении широкоплечий корпус высотой этак под метр восемьдесят – метр девяноста.

– Да что за проходной двор? – возмутилась девушка и принялась одеваться. – Ни днем, ни ночью покоя нет.

Она двинулась было в сторону сеней, чтобы откинуть крючок, открыть дверь и высказать посетителю все, что она думает о ночных визитах всяких там забулдыг, но спохватилась, что чуть было не вышла из дома без маски. Вернулась в зал, открыла новую упаковку, надела одну штуку и только тогда пошла защищать частную собственность от посягательств.

В сенях ее пыл резко поутих. «Посягательство» было ростом даже не метр девяноста, а все два с гаком! Ширину плеч имело такую, что за ними могло спрятаться три Ани, размер ноги – достойный галош в ограде, а размер черепной коробки – сравнимый с крупным арбузом.

Оно мирно дремало, свернувшись калачиком на расстеленных тут же древних зипунах, и занимало практически все пространство сеней. Подле его живота пригнулся щенок. Неподалеку стояло две миски – с водой и с какой-то кашей. Видимо, для пса. Щенок уже проснулся и при виде девушки радостно завилял хвостом и чуть ли не всем телом.

В первое мгновение растерявшись, Аня все-таки быстро взяла себя в руки. Если этот человек позаботился о собаке, то, наверное, не так уж он страшен, как выглядит.

– Эй, мужчина, – она потыкала незнакомца носком туфли в спину. – Мужчина!

Гора мышц шевельнулась, разворачиваясь на звук. Аня едва успела отскочить.

– Хм? – нахмурился гигант, сонно оглядываясь в попытке сообразить, что происходит. Лицо у него было под стать фигуре: крупное, малоподвижное, с маленькими, не слишком умными глазами.

– Что вы тут делаете? – храбро спросила девушка, одновременно чувствуя, как у нее вдруг задрожали коленки.

– Сплю, – просто ответил человек и потер глаз кулаком размером с Анину голову. Кулак был немного мохнатый и с подозрительными синеватыми пятнами на пальцах – то ли следами от вьевшегося когда-то в кожу пороха, то ли старой татуировкой, какие в советское время делали в тюрьмах.

– Это я вижу, – не сдавалась девушка. – Но как вы сюда попали?

– Зашел, – ответил он.

– Зачем?

– Спать.

Они уставились друг на друга. Разговор явно зашел в тупик.

Аня с ожесточением потерла лицо, надеясь, что все это ей только снится. К сожалению, после сеанса улучшения кровоснабжения в глазных яблоках видение не исчезло: гигант все так же лежал в сених, приподнявшись на локте, и выжидательно глядел на хозяйку дома.

– Так, давайте еще раз, – сказала она, встряхнувшись. – Вы кто?

– Микола, – таким же спокойным и слегка безразличным голосом ответил гигант.

– Приятно познакомиться, – без всякой радости сказала девушка. – А я – Аня. Но не суть важно. Почему вы спите здесь?

– Тут тепло, – пожал плечами Микола.

– Но где ваш дом? – не сдавалась девушка.

– Тута, – гигант обвел ладонью сени.

Аня потерла виски, в которых от напряжения запульсировало.

Что вообще происходит? Она еще могла бы понять, если б заявили какие-нибудь внебрачные отпрыски дяди Володи и стали требовать долю в наследстве. Но вот так запросто разлечься в чужом доме и назвать его своим – это перебор.

Пока она раздумывала, что делать дальше, гигант зевнул, поднялся и двинулся на выход. Щенок двинулся следом, добродушно виляя хвостом.

– Э! Вы куда? – помчалась за ними девушка, поняв, что движется гигант вовсе не на улицу, а в глубину ограды.

– Управляться, – все так же немногословно ответил Микола, надевая калоши.

– Что? – не поняла девушка, но до нее тут же дошло.

Управляться с животными! Так вот, кто выпустил корову! Вот, кто наварил мешанку и насушил травы для кроликов! Но неужели он правда тут живет? И что теперь делать? Как выгонять? И выгонять ли?

– Простите, а дядя Володя вам кем приходился? – уточнила девушка, семена за ним следом и кое-как успевая за огромными шагами.

– Хозяином, – просто ответил Микола, отворяя ворота к овцам. Те повернули к нему морды и обрадовано заблеяли, узнав родного человека.

– Вашим? – уточнила Аня.

– Хозяином дома, – поправил ее гигант, принимаясь раздавать животным еду. Действовал он ловко и быстро, явно по привычке.

– А вы ему кем приходились? – не сдавалась девушка.

– Домовым, – просто ответил Микола.

Аня оторопела. «Домовой» же тем временем взял с пола бак, который вчера случайно помяла корова, критически его осмотрел и, громко хрустнув металлом, пальцами выправил вмятину. Девушка с неприятной слабостью в животе наблюдала, как он берет двухсотлитровую бочку с водой и, как из чайника, наливает из нее воду в свежавыправленный бак.

К баку тут же подошла корова и принялась жадно пить. Гигант потрепал ее по загривку, будто котенка, и занялся сеном. Щенок, крутя хвостом, как пропеллером, радостно крутился у него в ногах. Система явно была прекрасно отлажена и работала сама по себе, без Аниного участия.

– Эм-м, – пискнула девушка, впечатлившись этим представлением. – Ну, вы работайте, работайте. Я пойду тогда тоже каким-нибудь делом займусь.

– Угу, – безразлично ответил ей гигант.

Разумеется, никакого особенного дела у Ани не было. Разве что посетить будочку в конце коридора, ибо приспичило вдвойне – по расписанию и от страха.

Посидев там некоторое время, большую часть которого она с опаской разглядывала горку «поп-тряпок» – деревенской разновидности туалетной бумаги – девушка вернулась в дом и

заперлась в нем, хотя смысла в этом не было никакого: гигант Микола мог сорвать толстенную дубовую дверь с петель одним пинком, а то и тычком. Если б захотел, конечно.

Оставалось только надеяться, что спальное место в сенях – это самая дальняя часть дома, в которую Микола заходит, и что единственная комната, в которой ночевала Аня, все-таки является ее личным местом обитания.

Пока она пыталась успокоить дрожь в пальцах и сообразить, что делать с очередным спорным наследством, от окна донесся шорох и скрип деревянной скамейки под чужими кроссовками.

– С добрым утром! – бодро сказал огромный и бесформенный букет ромашек, усыпанный каплями росы. Из-за букета показалась знакомая бейсболка и сверкающие озорной чертиной глаза.

– Это вместо извинений? – Аня прищурилась и сложила руки на груди, не торопясь принимать дар.

После Миколы проблема наличия излишне любопытного соседа – свидетеля ее первых мелких оплошностей – как-то потеряла свою остроту. Напротив: вернуться к обычной человеческой болтовне, простой и непринужденной, было даже приятно.

– Ну, типа того, – пожал плечами парень и широко улыбнулся. – Пока будешь ставить их в вазу, нечем будет меня из окна выталкивать. А то тут высоковатно вообще-то, я вчера даже оцарапался. И сейчас, между прочим, на бревне стою и держусь за подоконник локтями. Могу соскользнуть и ободрать подбородок.

– Потому что это окно, а не дверь, – ворчливо сказала Аня, но букет все-таки приняла: мелочь и от придурка, но все равно приятно. – И вообще, где маска? Где безопасная дистанция?

– Я тебе что, городской, что ли? – фыркнул парень, подтягиваясь на тощих руках и уже совершенно внаглую садясь задницей на подоконник. – Ты мне вчера компресс делала, так никакую дистанцию не соблюдала. И маску не требовала.

– Вчера была чрезвычайная ситуация, – возмутилась Аня.

– Ну и что? – возразил Игорь. – Если я тебя уже заразил, то зачем мне сегодня-то маску надевать?

– А если не заразил, но вот прямо сейчас заражаешь? – парировала девушка. – И вообще, даже если совершенно здоров, все равно полагается носить маску.

– Маску надо на больных надевать, – стоял на своем парень. – А у нас в Косяковке ни одного случая пока не зарегистрировано. И, поверь мне, не будет. Потому что к нам не ездит никто. А кто ездит, те, как ты – в масках.

– Это пока не зарегистрировано, – припугнула его девушка. – А когда появится первый больной, он без маски всех позаражает.

– Вот и я о том же, – не сдавался парень. – Маска нужна на больных. Здоровым она не поможет.

– Здоровые должны подавать пример, – настойчиво сказала Аня. – Каждый должен носить маску, чтобы соседи тоже носили маски. Тогда любой человек без маски будет чувствовать себя неуютно и тоже наденет маску. А когда все будут в масках, да при этом на достаточном расстоянии, тогда и будет качественный карантин.

– Пчхи! – оглушительно чихнул Игорь и утер нос рукавом водолазки, надетой зачем-то под футболку слоновьего размера.

Аня уперла руки в боки и сурово на него посмотрела, надеясь, что ее укоризненный взгляд – достаточно жирный намек, который быстро дойдет до наглеца. Не дошел: Игорь, утерев нос, беспечно привалился к откосу окна, явно намереваясь посидеть тут в свое удовольствие.

– А ну пошел вон, зараза! – возмутилась Аня и запустила в парня диванной подушкой, но Игорь подлю поймал «снаряд» и сунул для удобства себе за поясницу.

– Микола-то тебя не напугал? – спросил он как ни в чем не бывало, закидывая руки за голову. – Поздно вчера вернулся: могилу править ходил.

– Блин, ты знал! – Аня обвинительно ткнула в него пальцем. – Знал, что этот мужик придет среди ночи!

– Ну, про среди ночи – не знал, – пожал плечами парень. – Думал, вечером вернется: корову ж надо запускать. Но, видно, задержался где-то.

– Все равно мог бы предупредить, – надулась Аня. – Выхожу утром, а тут такое... Кто он вообще?

– Просто Микола, – с хитрой искринкой в глазах снова пожал плечами Игорь, поправив свою кепку на бессменной бандане с костями и черепом.

– Он тут всегда жил? – уточнила девушка.

– Сколько себя помню, – подтвердил парень. – Ты ему, надеюсь, не нагрубила?

– Нагрубишь ему, как же, – поежилась девушка. – Такая орясина. Щелкнет пальцем, и поминай, как звали.

– Это точно, – согласно покивал Игорь. – Хотя он, вообще-то, добрый. Но, может, потому и добрый, что все его обижать боятся. В любом случае ты его не трогай. Работает, и ладно.

– А что мне с ним делать? – задала мучивший ее вопрос девушка.

– Да ничего, – пожал плечами Игорь. – Чем он тебе мешает? Есть не просит, денег не требует. Еду себе сам готовит, одежду тоже сам стирает. Что попросишь – сделает. Если, конечно, только по хозяйству просить: боюсь, стоять с опахалом в руке или исполнять стриптиз он не согласится.

– Он назвался домовым, – пожаловалась девушка.

– Ну, в каком-то смысле Микола домовый, – согласился Игорь. – Из дома его хрен выгонишь. Быстрее ты отсюда уедешь. Считай его частью хозяйства.

– Может, ему зарплату надо платить? – Аня прикусила губу, обдумывая ситуацию.

– Ой, не выдумывай, – отмахнулся Игорь. – Дядь Володя ничего не платил. Одежду только покупал иногда, да в сильный мороз в дом запускать.

– Но это же рабство какое-то получается, – ужаснулась девушка.

– Рабство – это когда против воли, – возразил парень, стаскивая у нее со стола сухарик. – Или когда притесняют сильно. А ему тут хорошо: работа есть, место для сна и еда – тоже. Просто не парься. Или сама хочешь хозяйством заниматься?

– Нет уж!! – тут же отказалась девушка. – Я и так уже вчера весь маникюр испортила и туфли изгадила. А животные мне вообще не нужны. И огород тоже. И пчелы.

– Ну, вот видишь, чудесно же все, – покивал Игорь, утаскивая еще один сухарик. – Ты, главное, не трогай его. Хвали иногда, одежду покупай, если на нем что изнашивается. Или просто ткани отрез привези – он сам сошьет, что ему надо. Ну, калоши новые купи в честь знакомства, он будет рад.

– Все равно как-то неловко, – поморщилась девушка. – И непонятно тогда, чьи животные-то?

– Твои, конечно, – пояснил парень. – И огород твой.

– Но ведь кормит-то их он! – возразила Аня.

– А деньги на зерно будет брать у тебя, – просветил ее парень. – И урожай тоже в твой подпол спустит. И мед. Брать, правда, потом будет, разрешения не спрашивая. Но тут уж он в своем праве, как мне кажется. Ты ведь не против?

– Нисколько, – покрутила головой девушка. – Я вообще планировала только в магазинах закупаться.

– Зачем? – удивился парень. – Все ж на огороде растет. Соль-сахар-спички купила, и хватит. Ну, и дрова, понятное дело.

– А шоколад? Мороженое? Фрукты? – не сдавалась Аня.

– А ты только на фруктах и шоколаде существуешь, что ли? – хмыкнул Игорь. – То-то, я гляжу, попка такая откормленная.

Он покосился на Анин зад, и правда чуть более круглый, чем следовало бы.

– А ну брысь отсюда, нахал! – спохватилась девушка, снова набрасываясь на него – на этот раз с полотенцем.

– Гы-ы, – осклабился парень, но с подоконника вниз прыгнул, опасаясь, как бы ему и правда не прилетело.

– И чтоб больше не приходил! – пригрозила Аня, выставившись в окно.

– Не приду, – пообещал Игорь, но тут же поставил встречное условие: – Если ты ко мне придешь. В кино. Сегодня в восемь.

– А-ха, – аж задохнулась от возмущения и восхищения подобной наглостью Аня.

Он, смеясь, высунул язык. Язык был с пирсингом.

– Пошел вон! – окончательно офигевая, повторила девушка и задернула шторы.

– Сегодня в восемь! – еще раз крикнул напоследок парень. – Я буду ждать у кинотеатра.

– Ну-ну, жди, – ответила Аня таким тоном, что сразу стало понятно, что она думает и о наглых соседях, и о наглых подкатах, и о работе кинотеатров в условиях карантина.

Хотя, что-то в этом всем было. Что-то достойное восхищения.

Немного подумав, Аня сообразила, что ее впервые так смело позвали на свидание. Причем безо всякой надежды на успех. Как-то повывелись в столицах такие вот искренние парни. А тех, что остались, можно было разделить на две одинаково жалких кучки: вялые тьюфячки, которых нужно пинать и пинать к требуемому результату, и самовлюбленные пикаперы, для которых отношения – это спорт. Причем вовсе не интеллектуальный.

Пока она стояла и цыкала языком на всю комнату, пораженная наглостью ухажера, в сенях опять послышался шорох и тяжелые шаги, от которых пошли вибрации по всему дому. Дверь, жалобно хрустнув крючком, открылась. Сквозь нее, низко пригнувшись, протиснулся Микола.

Молча поставив посреди кухни ведро с молоком, он полез на верхнюю полку, где стоял аппарат непонятного назначения. Все также молча, не спрашивая разрешения и даже не пытаясь помыть руки после дойки, принялся его собирать. Включил в сеть, залил молоко. Нажал на кнопку.

Дом наполнил неприятный гул, как от пылесоса или миксера. Микола подставил прибору две банки. Спустя некоторое время в них потекло: с одной стороны полупрозрачная, слегка белесая водичка, с другой – жидкие сливки.

Аня с ногами забралась на диван. Никаких дверей, разделяющих кухню и зал, не было, только дощатая перегородка и прямоугольная арка в ней, так что сразу встала проблема личного пространства: с учетом нового жильца его тут попросту не было!

Микола не обращал на сжавшуюся в комок девушку никакого внимания, и оттого было особенно неуютно. Он ходил туда-сюда, топая тяжелыми ножищами, доставал какие-то ложки-ложки, открывал и закрывал люк в полу, спускался в голбец.

Прибор закончил свою работу. Микола разобрал его и также молча принялся мыть в корыте, причем воду в него он принес вовсе не с улицы, а набрал каким-то шлангом.

Аня треснула себя по лбу: скважина же! У всех нормальных людей с достойным заработком обязательно есть своя скважина или хоть колодец: даже если вода из нее бежит не питьевая, то хоть стирать ею можно. А это значит, маяться с баней и тазиком не обязательно. Можно просто прикупить стиральную машину и какой-нибудь водонагревательный-водонакопительный прибор.

– Баня готова, – вдруг ни с того ни с сего сказал Микола, принявшись к запаху со двора. – Вьюшку закрыл. Воды принес. Можно мыться.

– С-спасибо, – с легким заиканием сказала Аня. – Мне пока не надо.

– Вечером тоже теплая будет, – выдал Микола еще более длинную фразу. – Выходи, печь топить буду.

– Но... – растерялась девушка. – З...зачем выходить?

– Жарко будет, – пояснил Микола. – Вспотеешь. Девушки не любят потеть.

– А-а, – протянула Аня. – Так зачем тогда топишь? Лето же на дворе.

– Надо, – коротко сказал Микола. – Иногда надо. А то пол перекосит.

– А-а. Ага, – все так же растерянно покивала девушка, хотя ничего не поняла. Но Миколу было виднее.

– Сходи на почту-то, – посоветовал гигант, принимаясь закладывать в зев печи ароматные полешки, в его руках казавшиеся пенопластовым реквизитом. Говорил он медленно, с растяжкой, будто сонный слон, и после каждого слова делал паузу.

– Зачем? – не поняла Аня.

– Заявление подай, – пояснил он. – О приеме. Инструкции получи. Форму.

– К-к-какую форму? – опять принялась заикаться девушка.

– Зеленую, – еще более непонятно пояснил Микола. – Фельдгегерскую.

– Но... – замялась девушка.

Вчера в интернете она посмотрела, кто такие фельдгегеря. И у нее сложилось четкое ощущение, что на эту должность требуется, во-первых, мужик, во-вторых, военный. А еще было небольшое подозрение, что эта служба чуть ли не секретная. И цвет ее формы был вовсе не зеленый, а темно-синий или вроде того.

Но на почту сходить все-таки требовалось: хотя бы затем, чтобы разобраться с желтым пакетом. А еще нужно было как-то адаптироваться к жизни с «домовым», раз уж полицию вызывать поздно и нелогично. Так что пока Микола возился у печи, Аня взяла себя в руки, подкрасилась, причесалась и только-только двинулась было к выходу, как проход ей загородил все тот же гигант Микола.

– Завтрак не забудь, – сказал он, протягивая ей узел, завязанный из большого головного платка, какие обычно носят очень древние бабушки.

– Да я, вроде, не голодная, – попыталась было отказаться девушка, хотя в желудке у нее было пусто. – Потом в магазин зайду, куплю что-нибудь.

– Сметанка свежая, хлеб позавчерашний, квас и пол луковицы, – не слушая ее отговорок, продолжал протягивать узел Микола. – Сегодня свежий хлеб испеку. Купи соды.

– Э-э... хорошо, – кивнула девушка, принимая у него узел: иначе он бы попросту ее не выпустил.

– С Игорем не гуляй, – вдруг предостерег Микола, поворачиваясь, чтобы открыть ей проход. – Он еще бестолковый.

– Кхым, – кашлянула в кулачок Аня, скрывая нервный смех. – Не буду.

– У входа туесок стоит, – продолжал напутствовать ее Микола. – Ночной гость оставил, из Озерных. В Мокроусское. Далеко. Завтра коней возьму, отвезем.

– Фу, Микола! – искренне возмутилась девушка, окончательно отменяя в сторону свою робость перед этим гигантом. – Зачем ты у этих проходимцев что-то берешь вообще?

– А не надо было? – удивился Микола. – Раньше всегда брали. Государственная служба.

– Какая нафиг служба? – возмутилась девушка. – Ворье какое-то шастает, через нас товар сбывает. Как еще у ворот полиция не дежурит?

– Ворье я не пускаю, – обиделся гигант. – Что я, ворье не отличу, что ли?

– Ох, – Аня только отмахнулась. – Короче, не бери у них ничего без моего ведома. Сама разберусь.

– Хорошо, – кивнул гигант. Из-за его ноги высунулся любопытный щенок. Обнюхал воздух, повилял хвостом, тявкнул и пристроился к ногам девушки.

– Что, погулять хочешь? – спросила его девушка, надевая лофферы – уже отчищенные Миколой от присохшего навоза.

– Гр-раф! – согласно отозвался щенок.

– Граф, - фыркнула девушка. – Какой ты Граф? Шавка деревенская. Будешь Тобиком.

Тобик еще сильнее завилял хвостом, одобряя имя, так что даже зад заходил ходуном. Аня выпустила его на улицу, и он тут же умчался ловить бабочку.

Солнце уже приятно прогрело воздух, по улицам шли по своим делам односельчане, то и дело останавливаясь, чтобы поговорить друг с другом. Аня, памятуя о правилах деревенского этикета, здоровалась со всеми, кого встречала, и отзывалась на простые вопросы такими же простыми и ничего не значащими ответами.

«Погода-то сегодня – у-ух! В такую косить – не перекосить. Верно я говорю?» – «Точно! Хороша погода!»

«Какая милая девушка! Надолго к нам?» – «А, сама не знаю!»

«Эй, соседка! Ты моего мужика не видала?» – «Да бродил какой-то ночью. Не знаю: ваш – не ваш».

И тому подобные глупости. Некоторые косяковцы проявляли к ней особый интерес (например, бабушки, с утра уже занявшие стратегически выгодные позиции на лавочках). Спрашивали, чья она, замужем ли, где работает да куда идет.

Аня послушно отвечала, мол, Зеленолист она, с Прокопьевского переулка, Володькина племянница. Что замуж пока не собирается, потому что жених в армии. Что работа у нее в Москве, а тут она прячется от вируса, и что направляется сейчас на почту.

Несколько бабушек, выслушав этот отчет, подсунули ей какие-то свертки – занести по пути в тот или иной дом. Аня послушно занесла. А что бы не помочь старушкам? Меньше гадостей про нее болтать будут. За это ее даже угостили семечками и шаньгой – куда как вкуснее позавчерашнего хлеба. Так что узелок от Миколы не понадобился.

Почта располагалась на холме, подле деревенского клуба. Она была обшита досками и многократно покрашена голубой краской, судя по чешуйкам и неровностям. Зайдя внутрь, Аня обнаружила там одну-единственную работницу необъятных размеров, дремлющую за стойкой.

Вопреки законам логики, в этом захолустье был установлен супер-современный аппарат для выдачи талончиков, а над стойкой висело большое табло. Электронный голос нежно зачитал номер, стоило только нажать на кнопку.

Дежурная встрепенулась, протяжно зевнула и вытянула пухлую ладонь. Девушка вложила в нее талончик, как купюру. Дежурная наколола бумажку на железный штырек и только тогда спросила:

– Ну?

– Баранки гну, – вдруг обиделась Аня. – Щас как жалобную книгу попрошу. Мало того, что спите на рабочем месте, так еще и грубите посетителям.

Женщина цыкнула и закатила глаза, но послушно исправилась:

– Слушаю вас.

– У меня тут пакет, – Аня вытянула из сумки уже немного помятый конверт. – Вчера доставили. Ни адреса, ни фамилии. Курьер сказал, это мне, но там внутри документы какие-то. Из «Государственной курьерской службы». Явно не мои. Наверное, перепутал кто-то.

– Дай посмотрю, – неохотно, пересиливая лень, сказала женщина и вытянула пухлую ручку с облезлым маникюром. Аня вложила в нее конверт. Дежурная вытащила документы и бегло просмотрела.

– Ну, все правильно, – сказала она. – Вот форма заявления. Вот трудовой договор. Вот карта местности, список обслуживаемых семей. Даже инструкцию вложили. Че еще-то надо?

– Но это же не мне! – растерялась Аня.

– А кому тогда? – хмыкнула женщина. – Ну, не хочешь – не подписывай. Делов-то. Только зря разбудила.

Она широко раскрыла в зевке рот, продемонстрировав черные металлические пломбы и коронку «под золото». Жирная муха-навозница покрутилась возле этой разверстой пасти, поняла, что немного попутала цель, и с возмущением пожужжала прочь.

– Ну так, будешь подписывать или нет? – спросила тетка, прозевавшись и поняв, что посетительница «зависла». – Ручка вот.

Она ткнула пальцем в дешевую ручку, накрепко обмотанную бечевкой, чтобы никто не утащил.

– То есть... я на работу? – неловко спросила Аня. – Вот так просто? Даже без собеседования?

– Ну, иди пособеседуйся, – снова цыкнув, предложила женщина. – По коридору налево. Только в ту табличку, где «Начальник почты» написано, не ходи – у нас там склад. Иди туда, где дверь кожаная.

– Эм. Спасибо, – Аня забрала свои бумаги и послушно утопала в указанном направлении.

В конце коридора действительно обнаружилась дверь, обитая дерматином. На ней никаких табличек не было, но, постучавшись, Аня услышала многообещающее «Да! Войдите».

Она вошла, робко поздоровалась с лысеющим мужичком в форме, чем-то напоминающей военную, с двумя рядами блестящих выпуклых пуговиц. Подле его правой руки, на стопке картонных папок с завязками лежала выгоревшая фуражка.

Значки на форме разглядеть не удалось, так как начальник сидел против света, но похожа она была на старинную почтовую. Вот ведь музей древностей, а не город!

– Ну, проходите, садитесь, – предложил мужчина, указывая на стул с высокой спинкой и обитым красным бархатом сиденьем – первоклассный реквизит для съемок фильма про Сталина.

Остальная обстановка была ничем не хуже: могучий дубовый стол, шкафы, заполненные какими-то кубками, грамотами и вымпелами, красный ковер, бюст Ленина и фотография Путина над ним. С левой стороны было укреплено красное знамя с серпом и молотом, с правой – Российский Флаг.

Аня непроизвольно выпрямилась, будто собираясь давать присягу.

– Слушаю вас, – сказал мужичок и подпер подбородок кулаком, уставившись на гостью.

– А... у меня тут вот... – Аня протянула ему бумаги.

Мужчина взял их, мельком просмотрел.

– Угу, угу, – забормотал он себе под нос. – А почему не подписали? Отказываетесь?

– Д... да мне никто и не предлагал, – растерялась Аня, которая и впрямь не прочь была найти работу, только не обманным путем. – Просто принесли пакет, и все. Я думала, по ошибке.

– Никакой ошибки, – начальник вытащил из стола какой-то документ. – Зеленолист Агнесса Марьямовна. Репутация у вас прекрасная. Рекомендации отличные. Родословная чистая, в прошлом ни в каких темных делах вы не замечены. Трудовая в бумажном виде, надеюсь, есть? А то компьютеры у нас не очень работают.

– Блххх, – нервно выдохнула Аня.

Прекрасная репутация? Чистая родословная? Это как у собак, что ли? Или тут все еще делят людей на «белых» и «красных» и расстреливают политически неблагонадежных?

– Так что, подписывать будете? – уточнил у нее мужчина, сразу переходя к делу.

– А что за работа-то? – уточнила все-таки девушка.

– Ну как, – развел руками начальник. – Обычная работа. Берем груз в одном месте, отвозим в другое. Или просто принимаем у населения и ждем, пока за ним явится другой представитель населения.

– Так это же почтальон, – сказала Аня. – Ну или курьер. Причем тут государство?

– Притом, что бывают грузы особого назначения, – пояснил мужчина. – О том у вас тут отдельный листик имеется с подпиской о неразглашении. Ну да там ничего страшного. Чай не столица, государственный золотой запас на броневиках не перевозим.

У Ани наконец щелкнуло соответствие с общепринятым понятием о фельдгегерях. Но ту же возник следующий вопрос:

– А почему фельдгегерь при почте? – спросила она. – Ну, военную часть закрыли, а военкомат в Алапаевск перенесли, это да, это мне дядя Боря рассказал уже. Но есть же еще администрация города.

– Ой, не спрашивай, – отмахнулся мужчина. – Сами долго ругались, когда фельдгегерскую должность к нам приписали. А что поделать? Городок маленький, средств в бюджете нету. Вот и спланировали две профессии – чтоб оклад был человеческий.

Он придвинул к себе стакан чая – советский, граненый, в серебряном подстаканнике, сделал глоток и пояснил в ответ на недоумение на лице Ани:

– Да ты не переживай. Если что ответственное будет, тебе в сопровождение наряд милиции полагается. А по почтовому делу всякие глупости передают: тряпки, письма, выпечку. Чем еще эти иммигранты могут обмениваться? Они ж дикие.

– А что за иммигранты? – уточнила девушка.

– Да кто их знает, – пожал плечами мужчина. – Они тут испокон веков живут. Еще мой дед для них посылки туда-сюда развозил, пока должности не склеили. Прячутся по лесам, с простыми людьми только через нас и контактируют. Вроде староверов. Слыхала когда-нибудь про староверов?

– Это которые в лесу от цивилизации скрываются? Почему тогда иммигранты? – не поняла Аня. – Иммигранты – это ведь приезжие. Разве нет?

– Ну так они приезжие и есть, – развел руками мужчина. – Только приехали давно. Лет четыреста назад – как раз, когда Алапаевск только-только основали. Раньше-то правительство боялось, что они выйдут и начнут по городам расселяться. Но не больно-то они города любят. Им лес подавай. А лесов у нас в России...

Он присвистнул, одновременно махнув рукой на карту, висящую на стене. Аня тоже туда посмотрела. Начальник взял ручку и стал водить ею по бумаге на манер указки.

– Вот тут, тут и тут их самые крупные поселения, – он потыкал в гущу леса. – Но туда на машине не проехать никак: бурелом. Разве только во Вторую резервацию. Если сильно надо будет, Микола тебя на лошадях довезет: он как-то умеет все эти кочки да коряги объезжать. А ежели и застрянет телега, он ее и без лошадей вытянет, хоть и вместе с тобой на облучке. Прививка от клещевого энцефалита есть?

– Есть, вроде, – Аня сразу как-то вся зачесалась, будто по ней уже ползали бесчисленные клещи.

– Вот и отлично, – кивнул мужчина, а потом улыбнулся, заметив, как она гладит покрывшуюся мурашками кожу. – Да ты не бойся, в лес – это редко. Тебе все больше по городу разноситься придется да в соседние деревни. Домик у тебя на отшибе, бегать никуда не нужно. Выйдет какой абориген из лесу, сунет тебе сверток с адресом. Ты по адресу доставишь.

Он улыбнулся ей, а потом спохватился:

– Расписку только бери и бланки заставляй заполнять. Бланки я выдам. У них доставка – бесплатная: из бюджета оплачивается. А вот зарплату тебе платить будут, только если отчетность вся на месте будет. Куда, откуда посылка, сколько, какого веса. И обязательно – что внутри. Не знаю, кто все это учитывает и зачем, но ты все равно пиши. Так надо: не на

«папочку» какого работаешь, на государство. Образец я тебе тоже дам. И раз в месяц все твои бумаги в Город отвозить буду – мне все равно туда по почтовым делам мотаться.

Мужчина полез в шкаф и вынул из него пачку бланков.

– Вот, держи на первое время, – сказал он, пододвинув к ней листы. – Сейчас еще сумку тебе выдам. И форму. Правда, поискать придется: не помню, куда сунул. Я о прошлом годе три женских размера со старого склада выписал: списать хотели, представляешь? Как в воду глядел, что следующим фельдгегерем девка будет. Нынче время такое – женщины повсюду верх берут. Шинель выдать?

– Нет, спасибо, – тут же отказалась Аня.

– Зря, – покачал головой мужчина. – В ней зимой тепло. Только тяжелая очень.

– У меня шуба есть. Норковая, – пояснила девушка.

– Норковая? – переспросил мужчина. – М-да. Фельдгегерь в норковой шубе – это что-то новенькое. Ну, да тебе виднее. Главное, чтобы тепло было. Но фуражку носи, это по уставу. У тебя какой размер?

– Не знаю, – замялась Аня. – На маркетплейсах никогда не угадаешь, что подойдет.

– Ладно, на глазок подберу, – сказал начальник, поднимаясь. – Если что, поменяешь или у швеи подгонишь. Ты подписывай, подписывай, я пока на склад схожу.

– А, хорошо, – Аня потянулась к договору и тут сообразила, что ее только что профессионально обработали, не оставив и шанса на отказ.

Не то, чтобы она не могла бы еще возмутиться. Могла, конечно. Но подал опытный дядечка все так, что отказываться было попросту незачем.

Работа у нее есть? Нет работы. Отчего бы не завести. Работа сложная? Нет. Просто посылки по городу разносить. Ну, раз в году в лес съездить на дальние поселения. И даже если начальник чуть приукрасил, и в лес придется смотаться не разок, а раз десять, то что тут страшного? Тем более, Микола, как оказалось, должен и проводником работать.

Короче, ничего сложного, мечта, а не работа. А раз государственная, меньше минималки платить не будут, что для Косяковки просто верх мечтаний. К тому же, никаких проблем с больничными, отпуском и декретными (если таковые, разумеется, понадобятся).

– Ну что, подписала? – спросил начальник, вернувшись с плотненькой стопочкой вещей зеленого цвета. – Вот держи: юбка, рубашка, китель, фуражка. Туфли подходящие сама купишь: у меня на складе только кирзовые сапоги. Хотя, могу выдать. Надо?

– Нет, спасибо, – отказалась девушка, принимая форму.

В швах одежда была украшена золотистым жгутом, кое-где выглядывали металлические значки ласточек: такие же ласточки и циферблат были изображены и на печати «Государственной курьерской службы». В принципе, форма была очень даже ничего. Только явно перележала на складе: запыхивалась и пахла бабушкиным сундуком.

– Пуговицы на кителе полировать не забывай, – посоветовал начальник, пожимая ей руку. – Чтоб на солнце блестели красиво. Наши фельдгегеря, может, и не военные, но своя честь тоже есть. Так что ты ее береги. Во всех смыслах.

– А как вас звать-то? – спохватилась девушка.

– Андросий я, – представился мужчина. – Андросий Кузьмич. Можно просто Кузьмич – меня так все зовут.

– Приятно познакомиться, – сказала девушка. – А меня зовите Аня.

– Какая ты Аня? – с укором поглядел на нее начальник. – Агнесса Марьямовна и никак иначе. Чтобы строго. Чтобы все уважали. Запомнила?

– Угу, – кивнула девушка, чуть порозовев.

– Да, и вот еще, – спохватился мужчина. – В лесных поселениях води себя... как бы это сказать... Ну, с достоинством. Можно даже чуток высокомерно. Помни, что там ты не просто почтальон, а представитель Российского государства. Чиновник с соответствующими

привилегиями. Мигалки в лесной чаще тебе, конечно, не нужны. А вот бояться и уважать они тебя обязаны. Так что держи марку.

– Поняла, Андросий Кузьмич, – кивнула девушка.

– Вот и славно, – добродушно улыбнулся начальник, подкрутил ус и правда стал похож на довольного Сталина. – Ступай, принимай участок. Реквизиты зарплатной карты на неделю занеси, не забудь. И трудовую. Инструкции придержиайся, но правила, режим работы можешь свои установить. Местные привыкли вечерами приходить, когда стемнеет. Но если тебе на рассвете удобнее, пусть на рассвете приходят.

– Ой, нет, я сова, мне вечерами удобно, – замахала рукой Аня.

– Ну и прекрасно, – начальник по-отечески похлопал ее по плечу, одновременно и хваля, и выпроваживая. Они распрощались, и Аня осталась наедине со своим новым реквизитом: формой и огромной угловатой сумкой на ремне со скромной надписью «Государственная курьерская служба».

– Ну что, согласилась? – поинтересовалась дежурная, с любопытством косясь на ее скарб.

– Откажешься тут, – вздохнула девушка, но тут же вспомнила слова начальника о чести и высокомерии, спохватилась, гордо вздернула нос и покинула обсиженное мухами помещение почты. Она ж теперь ну почти чиновник. Большой босс трех мелких деревень, хе-хе.

Вот только она так и не поняла пока сути своей работы. Но должностная инструкция была толстой, так что Аня понадеялась остальную информацию добыть оттуда.

Глава 4. Хулиганская растительность

Дома обнаружилось, что сумок у нее не одна, а целых две: в первой полагалось перевозить некрупные посылки, во второй хранились документы. В комплекте с сумками шла еще и советская чернильница-непроливайка, стальное перо на резной деревянной основе и бутылек с чернилами, здорово отдающими плесенью.

Весь этот антикварный бред Аня сложила к не менее антикварной коллекции дядюшкиных аудиокассет возле когда-то модного магнитофона «Квазар 303». Сумки, впрочем, оставила: они были вместительные и удобные. Кроме того, надевались на разные плечи, образуя ремнями крест на груди, прекрасно гармонирующий с пуговицами кителя.

Китель был чуть великоват, зато юбка-карандаш сидела, как влитая, а рубашка из тонкой ткани цвета жухлой травы прекрасно смотрелась и без кителя. Фуражка тоже подошла, но на буйных рыжих кудряшках сидела в лучшем случае как у стриптизерши.

Повертевшись перед зеркалом и так, и эдак, сделав с десяток селфи для сториз, Аня со вздохом пришла к выводу, что придется носить приспущенный к шее пучок или такой же низкий хвост, потому что все остальные варианты смотрятся уж слишком пошло и совершенно не соответствуют просьбе начальника поддерживать честь мундира.

«Хотя, фотки, разумеется, вышли знатные», – подумала девушка.

– Отпад! – протянул знакомый голос от окна, когда она в шутку поднесла ладонь к фуражке и отсалютовала своему отражению в высоком старинном зеркале. – Тебе идет военная форма.

– Блин, ты опять подглядываешь! – возмутилась девушка, натягивая китель, чтобы еще раз оценить композицию в целом.

– Не подглядываю, – возразил Игорь, устраиваясь в окне поудобнее и закидывая ногу на ногу. – Я, между прочим, постучался.

Он демонстративно побарабанил костяшками пальцев по крашеному дереву. Звук вышел глухим и тут же канул в гуле двигателя проезжающего мимо старого комбайна.

– Громче надо стучать, – отчитала его Аня. – И не заходить, пока не позовут. А если позовут, то пользоваться дверями.

– Если я зайду через дверь, то буду гостем, и тебе придется угощать меня чаем, – пояснил наглец. – А у тебя, кроме хлеба, ничего нет. Кстати, может, прогуляемся за мороженым? Жара на улице.

– Вот еще, – фыркнула Аня. – Я с неформалами не гуляю.

– Че сразу неформал? – нисколько не обиделся, но счел нужным возмутиться парень, оправляя десятисантиметровую коллекцию разнообразных браслетов на тонком запястье. – Может, у меня тоже форма такая? Чтоб от других отличаться.

– Ага. Дыры на коленях сначала зашей, – посоветовала Аня. – И оставь дома свою жуткую выгоревшую водолазку: футболки вполне достаточно. Сам говоришь, что на улице жара.

– Еще скажи пирсинг снять, – хмыкнул Игорь, щелкнув сережкой по зубам.

– А и снял бы, – не осталась в долгу девушка.

– С языка или вообще весь? – хитро прищурился он.

Аня окинула взглядом тощую фигуру, но больше никаких колец не обнаружила и уточнить, что еще у него проколото, не стала во избежание неловкости.

– Как тебя только мать терпит? – покачала она головой, укладывая обратно в сумку часть свежевыданных бланков, паспорт, кошелек и пишущую ручку.

– Тпррр-ха-ха! – как заправский конь фыркнул парень и откинул назад куцый блондинистый хвост, тоже напоминающий лошадиный: не длинной, но растрепанностью и степенью загрязнения. – Она уже смирилась.

– Оно и видно, – хмыкнула Аня. – Постригся бы хоть: что за грязные патлы?

– Вечером вымою, – пообещал он. – Перед кино.

– Я не пойду, – сочла нужным проговорить вслух девушка: с некоторыми кавалерами прозрачные намеки нужно не только официально комментировать, но и желательно снимать процесс объяснения на камеру во избежание недоразумений и двоякого толкования.

– Да ладно тебе, – ощерился парень, продемонстрировав в улыбке не только кривовато выросшие клыки, но и моляры. – Я не кусаюсь.

– Наглеешь ты, как я посмотрю, а не кусаешься, – возразила девушка. – А ну, убрал быстро свои грязные кроссовки с моего подоконника! И зад тоже: неизвестно, на чем ты им до этого сидел.

– Только на диване, – заверил ее Игорь, но ноги послушно убрал. – Джинсы стиранные, не беспокойся. Если это так важно, в кино могу надеть маску. И даже перчатки. Ну, если только велосипедные, в медицинских руки потеют.

– Да не пойду я с тобой в кино! – повторила Аня, уже немного раздражаясь по этому поводу. – Ты выглядишь, как придурок. И вообще похож на одного гада, который доставал меня в девятом классе. Кстати, сколько тебе лет?

– Сколько есть, все мои, – осклабился парень. – А тебя вот, между прочим, я о таком не спрашиваю. Вежливые люди вообще стараются не акцентировать внимание на возрасте друг друга.

Он поправил воображаемые очки на носу, уже принявшем нормальную, тонкую форму.

– Вежливые люди к девушкам в окна не лазают, – парировала Аня.

– Так я обычно и не лазаю, – пожал плечами Игорь. – Считай это комплиментом.

– Больно надо, – хмыкнула Аня, но все-таки украдкой улыбнулась: ну и что, что придурок, мужское внимание – это всегда приятно.

– Хозяйка, – раздалось из сеней. – Посылка прорастает. Надо срочно везти.

– Чего? – переспросила Аня, выпучив глаза.

«Что там у него прорастает? – подумала она. – Рассада, что ли, в том туеске была? Так она в жару, наоборот, подохнуть должна».

– Ой, можно я тоже погляжу? – оживился Игорь, спрыгивая вниз и вперед Ани оказываясь в ограде.

Девушка тоже торопливо пошла к выходу из дома. Кое-как впрыгнула в уже порядком запылившиеся и расцарапанные камнями лофферы и присоединилась к мужчинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.